АННА КЭТРИН ГРИН

УЛИЦА ИСЧЕЗНУВШИХ

Расследования мисс Баттерворт

Перевод Миланы Ивановой

Анна Грин

Улица исчезнувших

«Автор»
2026

Грин А.

Улица исчезнувших / А. Грин — «Автор», 2026

В небольшом горном поселке люди исчезают среди бела дня. Они входят на короткую лесную дорогу и словно растворяются в воздухе. Ни тел, ни следов, ни внятного объяснения.Мисс Амелия Баттерворт едет навестить семью старой подруги и оказывается в самом сердце загадки. Запущенный особняк, испуганные хозяйки, ночные шорохи и слухи о призрачной карете дают богатую пищу для подозрений. Но отличить увиденное от воображаемого оказывается труднее, чем кажется даже столь наблюдательной даме.Второе расследование героини «Преступления по соседству» – детектив Анны Кэтрин Грин о семейных тайнах, обманчивой респектабельности и цене поспешных выводов.

© Грин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящение 5
Предисловие 6
Часть первая. Семейство Ноулз 7
Глава I. Визит мистера Грайса 7
Глава II. Искушение 9
Глава III. Я уступаю 15
Глава IV. Мрачный дом 21
Глава V. Странное семейство 24
Глава VI. Невеселый вечер 27
Глава VII. Первая ночь 30
Глава VIII. На лестнице 33
Глава IX. Новое знакомство 36
Глава X. Тайные наставления 41
Глава XI. Мужчины, женщины и привидения 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Анна Грин
Улица исчезнувших

Посвящение

Элизабет Д. Шепард,
кузине и подруге,
с любовью посвящается эта книга.

Предисловие

Несколько слов моим читателям, прежде чем они начнут эту книгу.

Я женщина твердых правил, воспитанная в строгих пресвитерианских традициях[1], и потому ненавижу обман и не терплю уверток. Вот почему после года с лишним колебаний я сочла своим долгом изложить правдивую историю событий, благодаря которым раскрылась великая тайна, сделавшая Улицу исчезнувших страшным местом для всей округи. Прежде женская щепетильность и вполне понятное нежелание выставлять напоказ собственные слабости, без чего правдиво рассказать эту историю невозможно, заставили меня согласиться на публикацию того скудного и явно искаженного изложения, которое появилось в некоторых ведущих газетах.

Но совесть вновь взяла верх. Надеясь на вашу снисходительность, я занимаю в этой истории подобающее мне место, а о том, насколько она важна и занимательна, предоставляю судить вам.

Амелия Баттерворт.

Грамерси-парк, Нью-Йорк.

Часть первая. Семейство Ноулз

Глава I. Визит мистера Грайса

После моего удачного – или, может быть, неудачного? – участия в знаменитом деле об убийстве в Грамерси-парке многие друзья, да и те, кого друзьями не назовешь, стали намекать: женщина, так успешно проявившая себя в сыске, вряд ли удовольствуется одним успехом. Рано или поздно, уверяли они, я непременно примусь за новое необычное дело.

Тщеславие никогда не было моей слабостью. К тому же с прямого пути, предписанного моему полу, я сходила лишь по зову долга и впредь вряд ли стану поступать иначе. Поэтому на подобные намеки я неизменно отвечала приветливой, но недоверчивой улыбкой, стараясь простить друзьям их самонадеянность: ведь они не знали ни моего характера, ни весьма веских причин, побудивших меня однажды вмешаться в работу нью-йоркской полиции.

Впрочем, хотя со стороны могло казаться, будто я спокойно, пусть и не вполне довольная, почиваю на лаврах, мир преступлений и расследований вовсе не был так далек от меня, как полагали окружающие. Мистер Грайс по-прежнему навещал меня – разумеется, не по делу, а как друг, к которому я относилась с некоторым расположением. И естественно, наши беседы не всегда ограничивались погодой или даже городской политикой, как ни полезно бывает о ней поспорить.

Служебных тайн он мне, конечно, не выдавал – нет уж, на это рассчитывать не приходилось, – но порой рассказывал об общих обстоятельствах какого-нибудь громкого дела. Советовать я не бралась: смею надеяться, опыта у меня хватало, чтобы от этого удержаться. И все же такие беседы давали моему уму немало пищи. Он извлекал из них много пользы, хотя не признавался в этом; я же, не подавая виду, многое ему подсказывала.

Так жизнь моя текла приятно и занимательно, когда вдруг представился случай прямо применить мои сыскные способности. Оснований ждать такого случая у меня не было, и я нисколько не виню себя ни за то, что не ожидала подобного поворота, ни за то, что так высоко держала голову, выслушивая предсказания друзей. Путь, открывшийся передо мной, казался столь явно указанным самим Провидением, что отказаться от него значило бы пренебречь волей высших сил. Теперь-то я вижу, что путь этот проложил мистер Грайс и что, последовав по нему, я повиновалась отнюдь не чувству долга.

Но все это слишком туманно. Однажды вечером мистер Грайс пришел ко мне, выглядя старше и немощнее обычного. Он сказал, что занят запутанным делом и что ему недостает былой бодрости и неутомимости. Не хочу ли я послушать? Дело выходит за привычный ему круг, но в нем есть свои особенности... словом, ему полезно было бы поговорить с человеком со стороны, способным понять, отчего он так озадачен и встревожен, и притом таким, кому не придется напоминать, что услышанное надо держать при себе.

Мне следовало насторожиться. Я достаточно хорошо знала старого лиса, чтобы понять: если он с таким явным усердием посвящает меня в свои дела, то у него есть на то особая причина. Но даже Юпитер порой задремывает[1] – по крайней мере, так уверяют меня люди, которым нельзя не верить. А раз уж и Юпитера случается застать врасплох, Амелию Баттерворт, верно, можно простить за такую же оплошность.

– Дело не городское, – принялся объяснять мистер Грайс и тут даже вздохнуть не постыдился. – В моем возрасте это немаловажно. Мне теперь не так-то просто собрать саквояж и отправиться в какой-нибудь далекий поселок, возможно, высоко в горах, где удобств почти нет, а о тайне и речи быть не может. В мои семьдесят лет удобства стали необходимостью. Что же до тайны... если когда-либо и требовалось действовать незаметно, то именно в этом деле.

Вы сами убедитесь, если позволите изложить факты, которыми на сегодняшний день располагает полицейское управление.

Я склонила голову, стараясь скрыть удивление и чрезвычайное удовольствие. Мистер Грайс принял самый благодушный вид – у него это всегда опасный признак – и начал свой рассказ.

Глава II. Искушение

– Милях в девяноста отсюда, в довольно труднодоступной местности, есть небольшой, но примечательный поселок. Там случилось столько необъяснимых исчезновений, что на него наконец обратила внимание нью-йоркская полиция. От ближайшей железной дороги до него не меньше двух миль. Это один из тех тихих, мирных уголков, какие еще попадаются в горах: жизнь проста, и преступление кажется чем-то совершенно несовместимым со всем укладом здешнего существования. Между тем за последние пять лет преступление – или какая-то иная страшная тайна, почти столь же отвратительная, – привело к исчезновению в самом поселке или его окрестностях четырех человек разного возраста и занятий. Трое были чужаками, четвертый – всем известным бродягой, привыкшим скитаться по горам и кормиться подаянием фермерских жен. Все четверо – мужчины, и ни в одном случае не обнаружено ни малейшего указания на их судьбу. Вот все, чем на сегодняшний день располагает полиция.

– Дело серьезное, – заметила я. – Кажется, о чем-то подобном я читала в романах. Нет ли поблизости полуразвалившегося постоялого двора, где кровати стоят над потайными люками?

Его улыбка была мягким упреком за мое легкомыслие.

– Я сам побывал в поселке. Постоялого двора там нет, зато есть вполне удобная, самая обыкновенная гостиница, которую держит человек редкой прямоты и откровенности. К тому же исчезновения, как правило, происходили не ночью, а среди бела дня. Представьте себе эту улицу в полдень. Она коротка, каждый дом вам знаком, и вы уверены, что знаете все места, где можно укрыться. Вы видите, как человек вступает на нее с одного конца, и ждете, что он появится с другого. Но представьте, что он так и не появляется. Мало того, о нем вообще больше ничего не слышно. И что на одной и той же улице это случается четыре раза за пять лет.

– Я бы переехала, – сухо отозвалась я.

– Вот как? Многие достойные люди уехали оттуда, но делу это не помогло. Исчезновения продолжаются, тайна остается.

– Вы меня заинтересовали, – сказала я. – Впрочем, если подумать, случись на нашей улице такая череда необъяснимых ужасов, я, пожалуй, осталась бы.

– Я так и думал, – коротко ответил он. – Но раз дело вас заинтересовало, позвольте изложить его подробнее. Первым человеком, чье исчезновение заметили...

– Постойте, – перебила я. – У вас есть план этой местности?

Он улыбнулся, почти ласково кивнул маленькой статуэтке на каминной полке, которой и прежде выпадала честь выслушивать его признания, но плана не достал.

– До этого мы еще дойдем, – сказал он. – Позвольте продолжить. Итак, сударыня, первым пропал разносчик мелких товаров, обычно бродивший по горам. На этот раз он задержался в поселке дольше обычного, и было известно, что он продал добрую половину своего товара. Стало быть, денег при нем должно было оказаться немало. Однажды его короб нашли в лесу под кустами, но о самом разносчике с тех пор ничего не слышали. Несколько дней, пока в лесу искали тело, поселок волновался. Потом, ничего не найдя, о нем забыли, и жизнь потекла по-прежнему. Вдруг стали приходить письма с расспросами о молодом человеке, которого прислали из Дулута собирать сведения для судебного дела. С некоторого дня он перестал сообщать о себе своей фирме и появляться там, где его знали. Тут весь поселок поднялся на ноги. Многие помнили юношу, а двое или трое припомнили, что видели, как он шел вверх по улице с дорожной сумкой, словно направляясь к горной станции. Хозяин гостиницы мог точно назвать день его отъезда, но на станции никто не подтвердил, что молодой человек сел на поезд. Самые тщательные поиски не дали никакого результата. О больших деньгах при нем не говорили, зато у него были очень хорошие часы и кольцо необычайной ценности. Ни то ни другое так и не появилось ни в одном из известных полиции ломбардов. Это было три года назад.

– Следующий подобный случай произошел лишь год спустя. На этот раз бедный старик из Хартфорда исчез едва ли не на глазах у изумленных жителей. Он приехал собирать подписку на дорогое издание, выпускавшееся известным издателем. Дела шли у него довольно успешно, и выглядел он бодрым и довольным. Однажды утром, заключив сделку на одной ферме, он сел обедать с хозяевами: близился полдень. Он успел съесть несколько ложек и непринужденно беседовал, когда вдруг замолчал, хлопнул себя по карману и вскочил в явном волнении. «Я оставил бумажник у диакона Спира![1] – воскликнул он. – Не могу есть, пока бумажник не при мне. Простите, я схожу за ним». И, больше не извиняясь, выбежал из дома и поспешил по дороге к Спиру. До Спира он не дошел. Ни в поселке, ни у себя в Хартфорде он больше не появлялся. Это самое поразительное из всех исчезновений. В пределах полумили, в населенном поселке, человек пропал, словно дорога разверзлась, поглотила его и снова сомкнулась. Казалось невероятным, немыслимым, и таким оставалось даже после того, как местная полиция исчерпала все возможности разгадать эту тайну. После этого у поселка появилась дурная слава, одна или две семьи уехали. И все же никто не желал признать, что исчезнувшие стали жертвами злодейства, пока месяц спустя не обнаружился еще один такой случай. Молодой человек отправился из поселка к станции на склоне горы и не прибыл ни туда, ни, насколько удалось узнать, куда-либо еще. Он приходился дальним родственником богатому скотовладельцу из Айовы. Тот немедленно приехал выяснять судьбу племянника, и волнение усилилось. Его стараниями и при содействии одного из видных местных жителей к делу привлекли наше управление. Однако результат нулевой. Мы не нашли ни тел этих людей, ни следа, который указал бы на их судьбу.

– Но ведь *вы* там побывали? – напомнила я.

Он кивнул.

– Поразительно! И вам не попалось ни одного подозрительного дома, ни одного подозрительного человека?

Палец, которым он протирал очки, все медленнее и задумчивее обходил оправу.

– В любом поселке есть дома, внушающие подозрение, – медленно произнес он. – Что же до людей, у самого честного человека может оказаться хмурое лицо, на котором необузданное воображение разглядит вину. Такой наружности я никогда не доверяю.

– А чему еще доверять, когда дело столь непроницаемо? – спросила я.

Его палец двигался все медленнее и наконец замер.

– Моему знанию людей, – ответил он. – Тому, что я знаю об их страхах, надеждах и личных заботах. Будь я на двадцать лет моложе, – тут он бросил на меня взгляд через зеркало, от которого я невольно выпрямилась: неужели он полагал, будто я всего на двадцать лет моложе его? – я бы, – продолжал он, – так близко познакомился с каждым мужчиной, женщиной и ребенком в том поселке, что... – Он резко оборвал себя. – Но это время прошло. Я слишком стар и немощен, чтобы справиться с такой задачей. Побывав там однажды, я уже стал приметной фигурой. Меня выдает сама походка. Тому, кому посчастливится проникнуть в души этих людей, нельзя давать ни малейшего повода заподозрить его связь с полицией. По правде говоря, я думаю, ни одному мужчине теперь это не удастся.

Я вздрогнула. Вот теперь он по крайней мере открыл карты. Ни одному мужчине! Значит, ему нужна помощь женщины. При этой мысли я рассмеялась. Я не считала его ни настолько самонадеянным, ни настолько способным оценить дарования, столь близкие к его собственным.

– Вы со мной не согласны, сударыня?

Я была согласна, но мне следовало сохранять свое достоинство, и я лишь посмотрела на него с умеренной строгостью.

– Я не знаю женщины, которая взялась бы за такую задачу, – спокойно заметила я.

– Не знаете? – Он улыбнулся с тем снисходительным терпением, которое так меня раздражает. – Что ж, пожалуй, такой женщины и не найдется. Для этого, признаю, нужны совершенно исключительные качества.

– Вздор! – воскликнула я. – Уж не такие исключительные!

– Право, мне кажется, вы еще не вполне поняли дело, – возразил он с тихим превосходством. – Тамошние жители принадлежат к лучшему кругу провинциального общества. Многие отличаются утонченной воспитанностью. Одна семья, – тут его голос чуть изменился, – достаточно бедна и достаточно образованна, чтобы заинтересовать даже такую женщину, как вы.

– Вот как! – вырвалось у меня; чтобы скрыть вполне естественное любопытство, я прибавила голосу немного отцовской надменности.

– Именно в подобном доме, – продолжал он с такой непринужденностью, которая должна была предупредить меня: он начал это наступление с твердым намерением победить, – и найдется ключ к тайне, о которой мы говорим. Да, вы вправе удивляться. Но только этот вывод я и привез из... назовем поселок Х. По-моему, он немаловажен. А вы что скажете?

– Что ж, – признала я, – пожалуй, я поторопилась назвать это *вздором*. Чтобы помочь вам в таком деле, действительно нужна женщина с исключительными качествами.

– Рад, что хотя бы до этого мы дошли, – сказал он.

– Настоящая леди, – продолжала я.

– Безусловно, настоящая леди.

Я помолчала. Иногда благоразумное молчание язвительнее слов.

– Но какая леди согласится на подобную затею? – спросила я наконец.

В ответ послышалось лишь постукивание его пальцев по оправе очков.

– Мне такая неизвестна, – сказала я.

Его брови поднялись, пожалуй, не больше чем на волосок, но я заметила скрытую насмешку и на мгновение забыла о достоинстве.

– Нет, – сказала я, – так не пойдет. Вы имеете в виду меня, Амелию Баттерворт, женщину, которая... впрочем, объяснять вам, кто я и что собой представляю, едва ли нужно. Вы позволили себе, сударь... Только не напускайте невинного вида и уж тем более не отрицайте того, что так явно занимает ваши мысли. Иначе мне захочется указать вам на дверь.

– Тогда, – улыбнулся он, – я уж, конечно, ничего отрицать не стану. Мне пока не хочется уходить. Да и кого еще я мог иметь в виду, кроме вас? Леди, приехавшая к друзьям в этот отдаленный и прекрасный край, – какие возможности открылись бы перед ней для раскрытия столь важной тайны, обладай она, подобно вам, тактом, осмотрительностью, превосходным умом и опытом, который, пусть не слишком широк и глубок, все же дает ей известную уверенность в своих силах и несомненное влияние на человека, имеющего счастье получать ее советы.

– Ба! – воскликнула я. Это было одно из любимых его восклицаний; возможно, потому я его и употребила. – Можно подумать, я состою у вас в полиции.

– Вы слишком нам льстите, – почтительно ответил он. – Такую честь мы едва ли заслужили.

Я едва заметно фыркнула. Неужели он думал, что на меня, Амелию Баттерворт, подействует столь бесстыдная лесть! Затем с некоторой резкостью повернулась к нему и прямо сказала:

– Вы попусту тратите время. Я так же мало намерена вмешиваться в новое дело, как...

– Намеревались вмешаться в первое, – вставил он вежливо, даже слишком вежливо. – Понимаю, сударыня.

Я рассердилась, но не подала виду. Мне не хотелось показывать ему, что его слова способны меня задеть.

– Ван-Бернамы живут в соседнем со мной доме, – сладко заметила я. – У меня были все основания заинтересоваться их делами.

– Были, были, – согласился он. – Рад, что вы мне об этом напомнили. Удивляюсь, как я мог забыть.

Теперь я рассердилась настолько, что скрывать это стало невозможно, и решительно повернулась к нему.

– Поговорим о чем-нибудь другом, – сказала я.

Но он оказался на высоте положения. Достав из кармана сложенный лист, он развернул его у меня перед глазами и совершенно естественно заметил:

– Прекрасная мысль. Давайте посмотрим на план, о котором вы так проницательно спросили несколько минут назад. Здесь показаны улицы поселка и места, где в последний раз видели каждого из упомянутых мною людей. Вы ведь именно этого хотели?

Знаю, мне следовало нахмуриться и отстраниться. Не следовало позволять себе даже мимолетного взгляда на бумагу. Но человеческая природа, которая роднит меня с прочими людьми, оказалась сильнее. Невольно воскликнув: «Именно!», я склонилась над планом с жадным любопытством. Даже в эту волнующую минуту я изо всех сил старалась удержать его в границах, приличных человеку, который не принадлежит к числу профессионалов и интересуется делом только из любознательности.

Вот что я увидела:

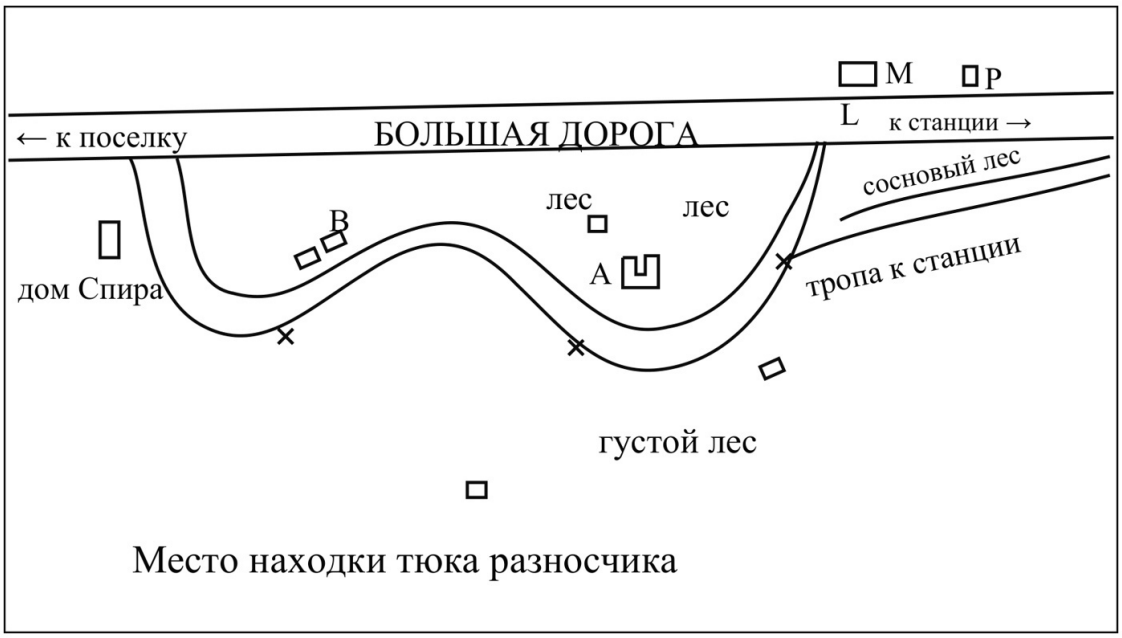

Схема по английскому оригиналу с русскими подписями. Буквенные обозначения и условные знаки сохранены.

– Мистер Грайс, – сказала я после нескольких минут пристального изучения схемы, – полагаю, моего мнения вы не спрашиваете.

– Сударыня, – возразил он, – это единственное, что вы еще позволяете мне у вас попросить.

Приняв его слова за разрешение высказаться, я указала на дорогу, отмеченную крестиком.

– В таком случае, – сказала я, – насколько можно судить по этому рисунку, все исчезновения произошли на этой дороге или в непосредственной близости от нее.

– Вы, как всегда, правы, – ответил он. – Настолько правы, что жители округи уже дали этой извилистой дороге особое название. Вот уже два года ее называют Улицей исчезнувших.

– Вот как! – воскликнула я. – Место установлено с такой точностью, а тайна все еще не разгадана? Какова длина этой дороги?

– Около полумили.

Должно быть, все мое негодование отразилось на лице: он развел руками, словно прося снисхождения.

– Местность тщательно обыскана, – сказал он. – В лесах по обе стороны дороги нет ни квадратного фута, который не обследовали бы самым внимательным образом.

– А дома? Я вижу на этой дороге три дома.

– О, они принадлежат весьма почтенным людям, *весьма* почтенным, – повторил он с затяжным ударением, от которого у меня внутри все похолодело. – Кажется, несколько минут назад я уже имел честь на это намекнуть.

Я внимательно посмотрела на него и невольно подвинулась поближе над схемой.

– Вы не заходили в эти дома? – спросила я. – Хотите сказать, что так и не осмотрели их изнутри?

– Разумеется, во всех побывал, – ответил он. – Но такую тайну, как наша, не прочтешь на стенах гостиных или передних.

– У меня кровь стынет, – отозвалась я, что было на меня совсем не похоже. Почему-то дома на схеме позволили мне гораздо острее почувствовать все происходящее.

Он многозначительно пожал плечами.

– Я предупреждал, что загадка эта не из заурядных, – заявил он. – Иначе стал бы я обсуждать ее с *вами*? Она вполне достойна вашего интереса. Видите дом под буквой А?

– Вижу, – кивнула я.

– Это обветшавший особняк внушительных размеров, окруженный целым лесом разросшихся кустов. Леди, которые в нем живут...

– Леди! – перебила я, слегка ужаснувшись.

– Молодые леди, – пояснил он. – Судя по виду, очень воспитанные, хотя и не особенно состоятельные. Эти девушки – все, что осталось от некогда известной семьи; люди они небезынтересные. Отец их был, кажется, судьей.

– И они живут одни? Две молодые девушки в таком огромном доме, в столь таинственном соседстве?

– О нет, с ними брат, довольно непривлекательный увалень, – ответил он небрежно. Слишком небрежно, как мне показалось.

Я мысленно отметила дом А.

– А кто живет в доме под буквой В? – спросила я.

– Некий мистер Тром. Вы помните, именно его стараниями привлекли нью-йоркскую полицию. Его усадьба – одна из самых примечательных в поселке, и ему вовсе не хочется уезжать. Но уехать придется, если дорогу вскоре не избавят от дурной славы. И диакону Спиру тоже. Теперь даже дети ее сторонятся. Более пустынного места я не знаю.

– Здесь, на краю леса, вижу еще какой-то значок. Что он означает?

– Хижину – домом это назвать трудно, – где живет бедная старуха по прозвищу матушка Джейн. Безобидная слабоумная женщина; никто никогда ее не подозревал. С этой отметки можете убрать палец, мисс Баттерворт.

Я убрала, но не забыла, что отметка стоит совсем близко от тропы, ответвляющейся к станции.

– В эту хижину вы тоже заходили, как и в большие дома? – осторожно спросила я.

– И нашел, – ответил он, – четыре стены. Больше ничего.

Мой палец скользнул по тропе, о которой только что шла речь.

– Крутая, – пояснил он. – Все вверх и вверх, но без обрывов. По обеим сторонам сосновый лес, земля густо усыпана хвоей.

Мой палец вернулся и остановился на доме под буквой М.

– Почему этот дом обозначен буквой? – спросила я.

– Потому что он стоит у входа на дорогу. Из окна L виден каждый, кто входит на нее или выходит с этой стороны. А в окне всегда кто-нибудь сидит. В доме двое детей-калек, мальчик и девочка. Кто-нибудь из них постоянно находится у окна.

– Понятно, – сказала я и вдруг спросила: – Что вы думаете о диаконе Спире?

– О, человек он благонамеренный, только чувства у него не слишком тонкие. Такое соседство его не тревожит: говорит, любит тишину. Надеюсь, когда-нибудь вы с ним познакомитесь, – лукаво прибавил сыщик.

При этом возвращении к запрещенной теме я напустила на себя отчужденный вид.

– Ваша схема интересна, – заметила я, – но моего решения нисколько не изменила. В Х. вернетесь вы, и весьма скоро.

– Весьма скоро? – переспросил он. – Кто бы ни поехал туда с этим поручением, ехать нужно немедленно. По возможности сегодня вечером, а не получится – самое позднее завтра.

– Сегодня! Завтра! – возмутилась я. – И вы думали...

– Неважно, что я думал, – вздохнул он. – Похоже, мои надежды ни на чем не основывались. – Сложив план, он медленно поднялся. – Молодой человек, которого мы там оставили, приносит больше вреда, чем пользы. Потому я и говорю: его немедленно должен заменить кто-то по-настоящему способный. Отъезд нью-йоркского сыщика должен казаться окончательным.

Я проводила его самым учтивым поклоном, на какой способна леди, дающая понять, что беседа окончена.

– Буду следить за газетами, – сказала я. – Не сомневаюсь, скоро прочту что-нибудь, свидетельствующее о вашем успехе.

Он с несчастным видом посмотрел на свои руки, с трудом шагнул к двери и горестно покачал головой.

Я по-прежнему молчала.

Он сделал еще один мучительный шаг и обернулся.

– Кстати, – заметил он, пока я наблюдала за ним с непреклонным видом, – я забыл назвать поселок, где произошли эти исчезновения. Это Х., на одном из отрогов Беркширских холмов. – Дойдя до двери, он откланялся с той вкрадчивой любезностью, которая отличает его в некоторые решительные минуты. Старый лис был так уверен в победе, что не стал дожидаться ее воочию. Он знал – как именно, теперь мне нетрудно понять, – что я давно грозилась побывать в Х. Там жила семья одной из моих самых дорогих подруг, дети Алтеи Ноулз. Мы дружили в школе, и после ее смерти я обещала себе через несколько месяцев непременно познакомиться с ее детьми. Увы! Я позволила пройти годам.

Глава III. Я уступаю

В ту ночь искуситель добился своего. Он без особого труда убедил меня, что моему пренебрежению детьми Алтеи Берроуз нет оправдания. Долг, который я должна была исполнить, узнав, что они остались без матери и совсем одни, теперь стал настоятельной необходимостью: их поселок был омрачен тайной, неизбежно затрагивавшей благополучие и покой каждого жителя. Медлить нельзя было ни дня. Я вспомнила все, что слышала о коротком и не слишком счастливом замужестве бедной Алтеи. Мне так захотелось увидеть, повторилась ли в дочерях ее хрупкая, но одухотворенная красота – как хорошо я ее помнила! – что я и сама не заметила, как принялась собирать дорожный сундук.

Я давно никуда не выезжала – еще один повод переменить обстановку. И все же, когда я объявила миссис Рэндольф и слугам, что отправляюсь ранним поездом, в доме поднялся настоящий переполох.

Впрочем, объяснение у меня было самое убедительное. Я думала об умершей подруге, и совесть не позволяла больше пренебрегать ее милыми и, возможно, несчастными детьми. Я столько раз собиралась в Х. – и вот наконец ехала. Решения я обыкновенно принимаю внезапно и, приняв, уже не знаю покоя.

Чувства мои разгорелись настолько, что я достала старый альбом и стала перебирать фотографии, привезенные из пансиона. Ее портрет был среди них. Вновь увидев тонкие, смелые черты, некогда имевшие надо мной немалую власть, я и вправду испытала угрызения совести. Какой насмешливый чертенок была эта девочка и какой силой воли обладала! Как странно, что, столь близкие в школьные годы, взрослыми мы почти ничего друг о друге не знали. Ее ли в том вина или моя? Ее замужество или мое безбрачие? Трудно было ответить тогда, невозможно теперь. Я и вспоминать об этом не стала бы, если бы не урок, который следовало извлечь. Теперь, когда я вновь вспомнила о ее детях, ничто не должно было разлучать нас.

Нагрянуть совсем без предупреждения я не собиралась. Во всяком случае, не совсем. Приглашение, присланное ими много лет назад, оставалось в силе; мне надо было лишь телеграфировать, что я решила их навестить и приеду полуденным поездом. Если мать в свое время как следует объяснила им характер своей старой подруги, особых затруднений это вызвать не должно. Я не из тех, кто ждет слишком многого. В гостях я не рассчитываю на привычные домашние удобства. Если их средства действительно так скромны, как я имела основания полагать, они только рассердили бы меня, вздумав хлопотать ради моего комфорта в простом домике, соответствующем их достатку.

Итак, телеграмма была отправлена, все приготовления к раннему отъезду завершены.

Но, как ни твердо я решила ехать, моя решимость едва не подверглась испытанию. Когда я выходила из дома – именно в ту минуту, когда извозчик выносил мой сундук, – я увидела человека, явно спешившего ко мне. В руке у него было письмо; приблизившись, он протянул его мне.

– Мисс Баттерворт, – объявил он. – Лично в руки. Срочно.

«Ага, послание от мистера Грайса», – подумала я и на мгновение задумалась, вскрыть ли его сейчас или спокойно прочесть в вагоне. Второе было удобнее: руки мои занимали всевозможные мелочи, которые я считаю необходимыми даже для самого короткого путешествия, а очки, без которых я не могу разобрать ни слова, лежали на самом дне кармана, под другими столь же необходимыми вещами.

Однако выжидательный взгляд посланца убедил меня, что он не уйдет, пока я не прочту записку. Вздохнув, я призвала на помощь Лену и после нескольких неудачных попыток наконец извлекла очки. С их помощью я разобрала следующие торопливо написанные строки:

«Милостивая государыня!

Посылаю это с человеком, который доберется до вас скорее меня. Пусть ничто из сказанного мною вчера не побудит вас покинуть ваш удобный дом. Подобное приключение слишком опасно для женщины. Прочтите вложенное. Г.»

Вложена была телеграмма из Х., отправленная ночью и, судя по всему, только что полученная в управлении. Содержание ее не сулило ничего хорошего:

«Пропал еще один человек. Последний раз видели на Улице исчезнувших. Безобидный парень по прозвищу Дурачок Руфус. Как поступить? Телеграфируйте распоряжения. Тром».

– Мистер Грайс велел передать, что зайдет к вам до полудня, – сказал посланец, заметив, с каким недоумением я читаю эти слова.

Больше ничего не понадобилось, чтобы я вновь обрела самообладание. Я сложила письмо и убрала его в сумку.

– Передайте мистеру Грайсу, что отложить намеченный визит я не могу, – ответила я. – Я известила друзей о приезде, и лишь чрезвычайное происшествие могло бы заставить меня их разочаровать. Буду рада видеть мистера Грайса по возвращении.

Без дальнейших разговоров я забрала у Лены свои свертки и направилась к экипажу. С какой стати мне терять мужество из-за события, повторяющего именно те, ради которых я и собралась ехать? Разве легко мне стать жертвой тайны, о существовании которой я предупреждена? Разве я недостаточно наслышана об опасностях Улицы исчезнувших, чтобы держаться подальше от угрожающего места? Я еду навестить детей некогда преданной мне подруги. Если ради этого предстоит столкнуться с необычайной опасностью, не тем ли настоятельнее мой долг поддержать их своим присутствием?

Да, мистер Грайс, теперь уже ничто меня не удержит. Мне даже сильнее захотелось поскорее добраться до места таинственных событий, и я несколько досадовала на долгую дорогу, оказавшуюся утомительнее, чем я ожидала. Не лучшее начало для дела, требующего терпения наряду с нравственной отвагой! Но о том, что мне предстояло, я еще почти ничего не знала и думала лишь, что каждая минута в душном, пыльном поезде отдаляет меня от объятий детей Алтеи.

Впрочем, по мере приближения к Х. спокойствие вернулось. Виды были по-настоящему прекрасны. Мысль, что я скоро сойду на горной станции, игравшей немалую роль в рассказе Грайса, пробуждала приятное волнение. Это уже должно было предупредить меня: дух расследования, столь торжественно проведший меня через дело по соседству, вновь овладел мною и сулил такую же поглощенность, если не такой же успех.

При выходе из вагона множество моих свертков доставило мне достаточно хлопот. Но едва ноги мои благополучно коснулись твердой земли, я поспешила оглядеться: не встречает ли меня кто-нибудь из детей Алтеи?

Мне казалось, я должна узнать их с первого взгляда. Красота матери была столь своеобразна, что хотя бы некоторые из прелестных черт непременно должны были передаться детям. Однако среди двух или трех деревенских девушек, стоявших у небольшого павильона, который здесь называли Горной станцией, не оказалось никого, в ком самое смелое воображение могло бы увидеть кровь или воспитание Алтеи Берроуз.

Несколько разочарованная – от своей телеграммы я ожидала иного результата, – я подошла к начальнику станции и спросила, трудно ли будет найти экипаж до дома мисс Ноулз. Прежде чем ответить, он смотрел на меня, как мне показалось, неоправданно долго.

– Что ж, – произнес он, – обычно здесь бывает Симмонс, да нынче его что-то не видать. Может, кто из фермерских парней вас подвезет.

Но все отступили с испуганным видом. Я уже стала подбирать юбки, собираясь идти пешком, когда подъехал маленький старичок с чрезвычайно кроткой наружностью в весьма старомодной карете. Нерешительно – как видно, исключительно от застенчивости – он спросил, не мисс ли я Баттерворт. Я поспешила подтвердить, что перед ним именно эта особа. Тогда он

пробормотал что-то о мисс Ноулз: она очень сожалеет, что не смогла приехать сама. Указав на карету, он дал понять, что мне следует сесть и отправиться с ним.

Это не входило в мои расчеты: по дороге мне хотелось как можно больше увидеть и услышать. Выход оставался один. К изумлению старика, я настояла, чтобы вещи положили внутрь, а сама села на козлы.

Для и без того сомнительного приключения начало было не из счастливых. Я поняла это, заметив, как наблюдавшие за нами люди сбиваются в кучки и с любопытством разглядывают то нас, то наш экипаж. Но смутить меня теперь было нелегко. Я взобралась на козлы со всем доступным мне изяществом и приготовилась ехать в поселок.

Однако, по-видимому, мне не суждено было покинуть станцию без еще одного предостережения. Пока старик ходил за сундуком, начальник станции весьма учтиво спросил, намерена ли я провести у мисс Ноулз несколько дней. Я ответила утвердительно и, желая сразу обозначить свое положение в глазах всего поселка, с не меньшей вежливостью прибавила, что давно дружна с семьей, много лет собиралась погостить и лишь теперь нашла возможность приехать. Надеюсь, все здоровы и будут рады меня видеть.

Ответил он с заметным смущением.

– Может, вы не слышали, что над нашим поселком теперь туча нависла?

– Я слышала, что отсюда загадочным образом исчезли один или два человека, – ответила я. – Вы это имеете в виду?

– Да, сударыня. Один, мальчишка, пропал всего два дня назад.

– Скверно, – сказала я и с улыбкой прибавила, заметив, что он еще не все высказал: – Но какое это имеет отношение ко мне?

– Да никакого, – поспешил он. – Только я подумал, вдруг вы боязливы...

– О, я вовсе не боязлива, – поспешила заверить я. – Иначе вообще сюда не приехала бы. Такие вещи меня не тревожат.

Я расправила юбки и устроилась для поездки столь тщательно и аккуратно, словно рассказанные им ужасы произвели на меня не больше впечатления, чем разговор о погоде.

Возможно, я перестаралась. Он еще немного смотрел на меня странным, пристальным взглядом, затем отошел к кучке сплетников на перроне. Пока мы оставались в виду, я видела, как он качает головой.

Мой спутник, застенчивее которого я никого не встречала, за все время спуска с холма не произнес ни слова. Я болтала, стараясь побудить его последовать моему примеру, но в ответ получала лишь ворчание и обрывки слогов, не сообщавшие ничего. Когда мы выбрались из зарослей, он все же позволил себе несколько восклицаний, указывая на красоты пейзажа. Те вполне заслуживали и его восхищения, и моего, будь мои мысли свободны. Однако появившиеся по обе стороны дороги дома отвлекли меня от гор. До поселка было еще далеко, но мы быстро приближались ко входу на ту зловещую дорогу, чья страшная история сейчас занимала все мои мысли. Я так боялась проехать мимо, не заглянув в ее мрачные глубины, что все поворачивала голову в ту сторону, пока не почувствовала: спутник заметил мое любопытство. Это было нежелательно, и я приняла беззаботный вид, заговорив о том, что видела вокруг. Но он вновь замкнулся и, казалось, всецело погрузился в попытки снять концом кнутовища лоскут, каким-то образом запутавшийся в спицах переднего колеса. Освободив лоскут, он украдкой взглянул на меня. Тогда это показалось мне странным, но мелочь была слишком незначительна, чтобы надолго задержать внимание или прервать поток болтовни, которой я старалась оживить нашу поездку.

Однако желание говорить ослабело, когда впереди поднялись темные ветви сосновой чащи. Мы приближались к Улице исчезнувших. Мы поравнялись с ней. Мы... да, мы сворачивали на нее!

Я не смогла подавить испуганного возгласа.

– Куда мы едем? – спросила я.

– К мисс Ноулз, – нашелся он с ответом и бросил на меня тревожный вопросительный взгляд.

– Разве они живут на этой дороге? – воскликнула я, с неприятным потрясением припомнив подозрительное описание Грайса: две молодые девушки с братом, обветшавший особняк под буквой А на плане.

– А где ж еще? – последовал лаконичный ответ. Мне пришлось удовольствоваться этой кратчайшей из реплик. Я выпрямилась и лишь раз с тоской оглянулась на веселую большую дорогу, которую мы так быстро покидали. Взгляд упал на домик с открытым окном: из него ко мне жадно тянулась детская головка. Мне стало как-то не по себе, когда я поняла, что привлекла внимание одного из маленьких калек, которые, по словам Грайса, постоянно наблюдали за этим входом на Улицу исчезнувших. Еще мгновение – и сосны скрыли окно. Но детское лицо и указывающую руку я забыла нескоро: меня словно отметили как возможную жертву ужасов этой дороги. И все же перед приключением, в которое я погружалась, душа моя не отступала. Напротив, я ощутила странный, почти неистовый восторг: меня сразу бросали в самое сердце тайны, к которой я рассчитывала подступать постепенно. Предостережение Грайса приобрело новый, более глубокий смысл, как и взгляды начальника станции и его сплетников на склоне холма. Но в моем тогдашнем настроении эти признаки серьезной опасности лишь подстегивали отвагу. Голова прояснилась, на душе стало просторно. Еще не увидев лиц этих молодых людей, я уже сознавала: они стали жертвами такой трагической и непостижимой цепи обстоятельств, что только женщина вроде меня способна разорвать ее и вернуть девушкам доверие соседей.

Я забыла, что у девушек есть брат и что... Но ни слова, которое опередило бы истину. Пусть эта история раскрывается перед вами так же, как передо мной, и столь же неожиданно.

Фермер, который вез меня и которого, как я узнала позднее, звали Симсбери, следил за моим поведением с упрямым любопытством. При менее волнующих обстоятельствах это поза-

бавило бы меня или по крайней мере вызвало презрение. Я видела, как его взгляд с некоторым изумлением скользит по моей фигуре – возможно, державшейся чуть прямее необходимого – и наконец останавливается на лице. Будь мне до того, я могла бы счесть этот взгляд лестным. Он отвел глаза лишь после того, как мы миновали тропу, ответвлявшуюся через лес к горе. Но у маленькой хижины старухи, которую Грайс считал столь безобидной, я вновь заметила его пристальное внимание.

Возможно, у него имелись на то основания: хижина и ее обитательница, относительно которой я оставляла за собой право на тайные сомнения, очень меня интересовали. Я бросила туда острый взгляд и обрадовалась, что успела сквозь открытую дверь увидеть старую каргу: в ту минуту она шамкала хлеб.

– Матушка Джейн, – пояснил спутник, нарушив долгое молчание. – А вон дом мисс Ноулз, – прибавил он, приподнимая кнут и указывая на наполовину скрытый фасад большого, некогда представительного дома в нескольких родах[1] дальше по дороге. – Очень она вам обрадуется, мисс. Гости в наших местах редкость.

Изумленная внезапной разговорчивостью человека, чью сдержанность до сих пор не удавалось преодолеть, я дала приветливый ответ, которого он явно ждал, и жадно посмотрела на дом. Он выглядел, как и намекал Грайс, чрезвычайно неприветливо даже издали. Подъехав ближе и увидев весь его обветшалый, потемневший фасад, я вынуждена была признать: никогда мне не попадалось жилища более заброшенного и менее обещающего гостеприимство.

Если бы не тонкая струйка дыма над одной из разбитых труб, я решила бы, что люди уже много лет сюда не заглядывали. Двор заполонили кусты, по стенам пустынного крыльца беспорядочно свисали спутанные плети вьющихся растений. Разрушенные пилястры и прогнившие оконные рамы имели тот покинутый вид, который становится живописным лишь тогда, когда природа вытеснила человека и целиком завладела пустыми стенами и обваливающимися окнами бывшего жилья. Мысль, что здесь еще кто-то живет и что я, не способная без острого неудобства видеть криво поставленный стул или перекошенную занавеску, сама собираюсь поселиться за этими дверями, показалась столь невероятной, что я сошла с кареты словно во сне. Я уже направилась к одному из проломов высокого старинного забора между двором и подъездом, когда мистер Симсбери остановил меня и указал на калитку.

Извиняться за ошибку я не сочла нужным: через сломанный забор пройти было ничуть не хуже, чем через калитку, соскочившую с петель и приоткрытую всего на несколько дюймов. Однако я последовала указанию, подбирая юбки и осторожно ступая, чтобы не задеть улиток и жаб на участках дорожки, еще не скрытых сорняками. Тут меня поразила тишина. Не слишком ли я впечатлительна? Или в полном отсутствии звуков и движения в столь огромном доме действительно было что-то жуткое? Впрочем, о движении я сказала поспешно: в ту самую минуту наверху что-то мелькнуло, словно занавеску украдкой отвели и так же украдкой опустили. Это обещало хоть какую-то встречу, но в жесте была такая скрытность, так точно соответствовавшая подозрениям Грайса, что я сразу собралась с духом, поднимаясь по шести неприветливым ступеням к парадной двери.

Но едва я поднялась с видом, который охотно считаю наилучшим своим видом, как вдруг пала духом от страха – вполне понятного и, смею надеяться, простительного. Перед людьми я не робею и большую часть телесных и нравственных опасностей встречаю с достаточной стойкостью, но перед разъяренной лающей собакой я не вполне владею собой. Это единственная моя слабость. Обычно, в большинстве подобных обстоятельств, мне удается скрыть внутреннюю дрожь. И все же я всегда думаю: какое облегчение принес бы день, когда эти так называемые домашние животные навсегда лишились бы и человеческой любви, и места в человеческих домах! Тогда я, пожалуй, начала бы жить по-настоящему и получать удовольствие от загородных поездок, которые сейчас, при всем моем внешнем бесстрашии, кажутся мне скорее покаянием, чем наслаждением.

Представьте же, как трудно мне было сохранить самообладание или хотя бы видимость достоинства, когда в ту минуту, как я протянула руку к дверному молотку этого негостеприимного дома, неведомо откуда раздался такой резкий, пронзительный и долгий вой, что даже птицы над моей головой испугались и целыми стаями вырвались из вьющихся зарослей.

Трудно было придумать для меня менее счастливую встречу. Я не знала, донесся вой снаружи или из дома. Когда после мгновения нерешительности дверь наконец открылась, я не уверена, что в улыбке, призванной украсить встречу, оставалось хоть что-нибудь от настоящей Амелии Баттерворт. Так сильно меня разрывали желание произвести хорошее впечатление и решительный, уже не скрываемый страх перед собакой, встретившей мой приезд столь зловещим воем.

– Уберите собаку! – воскликнула я, почти не успев разглядеть, к кому обращаюсь.

Когда позднее я увидела мистера Грайса, он заявил: более многозначительным образом представить себя при вступлении в особняк Ноулзов я не могла бы.

Глава IV. Мрачный дом

В передней, куда я вошла, было так темно, что несколько минут я различала лишь смутную фигуру молодой женщины с очень белым лицом. В ответ на мои слова она что-то пробормотала, но затем почему-то странным образом умолкла. Если глаза меня не обманывали, она скорее оглядывалась через плечо, чем смотрела на приближавшуюся гостью. Это было необычно. Но прежде чем я успела понять причину ее рассеянности, она вдруг опомнилась, распахнула дверь соседней комнаты и впустила поток света. Теперь мы смогли разглядеть друг друга и обменяться подобающими случаю приветствиями.

– Мисс Баттерворт, давняя подруга моей матери, – пробормотала она, с почти жалким усилием стараясь придать голосу радушие, – как мы рады вашему приезду! Не хотите ли... не присядете ли?

Что это значило? Она указала на стул в гостиной, но лицо ее снова отвернулось, словно неудержимо притягиваемое чем-то тайным и страшным. Был ли кто-нибудь – или что-нибудь – наверху тускло видневшейся вдали лестницы? Спрашивать не следовало; показывать, что прием кажется мне странным, тоже было бы неразумно. Я вошла в указанную комнату и подождала. Она последовала за мною с явной неохотой. Но, покинув переднюю или перестав видеть и слышать то, что ее пугало, улыбнулась. Эта улыбка сразу расположила меня к ней, придав ее очень хрупкому облику, до той минуты ничуть не напоминавшему мать, живую прелесть и тонкое очарование, вполне достойные дочери Алтеи Берроуз.

– Простите, что встречаем вас так бедно, – сказала она, оглядевшись с полугордым, полуизвиняющимся видом, который голые стены и убожество комнаты вполне оправдывали. – После смерти отца и разлуки с матерью мы живем не слишком хорошо. Если бы у нас было время, мы написали бы, что после вашего дома наш едва ли покажется вам привлекательным. Но вы приехали так неожиданно, и...

– Полно, полно, – остановила я ее, заметив, что смущение скоро совсем ею овладеет. – Не говорите об этом. Я приехала не любоваться вашим домом, а повидать вас. Вы старшая, моя дорогая? Где ваши сестра и брат?

– Я не старшая. Меня зовут Лусетта. Сестра... – Тут голова ее невольно вновь повернулась, словно прислушиваясь. – Сестра скоро придет. Брата в доме нет.

– Вы хорошенькая девушка, – заметила я, удивляясь, почему мне не предлагают снять дорожные вещи, – но выглядите не слишком крепкой. Вы здоровы, моя дорогая?

Она вздрогнула, на мгновение посмотрела на меня жадно, почти с тревогой, затем выпрямилась; рассеянность стала понемногу исчезать.

– Большой крепостью я не отличаюсь, – улыбнулась она, – но и не так уж слаба. Я всегда была маленькой. Как и мама, вы знаете.

Мне было приятно, что она заговорила о матери. Я ответила так, чтобы продлить эту тему.

– Да, ваша мать была маленькой, – согласилась я, – но никогда ни худой, ни бледной. Среди нас, школьниц, она казалась феей. Не странно ли вам слышать, как такая старая женщина, как я, говорит о себе как о школьнице?

– О нет! – сказала она, но без всякого чувства.

– Я почти забыла те дни, пока на днях случайно не услышала имя Алтеи, – продолжала я, поняв, что иначе мы будем сидеть в полном молчании. – Тут вспомнилась наша ранняя дружба, я сразу вскочила – так я всегда поступаю, моя дорогая, когда на что-нибудь решусь, – и отправила телеграмму. Надеюсь, я не последовала за ней нежеланной гостьей.

– О нет, – повторила она, на этот раз с некоторым чувством. – Нам нужны друзья. Если только вы простите наши недостатки... Но вы до сих пор в шляпке! Что скажет Лорин!

С внезапной нервной стремительностью, так же заметной, как прежняя вялость, она вскочила и захлопотала вокруг меня: развязала ленты шляпки, отложила свертки, которые я до сих пор держала в руках.

– Я... я такая рассеянная, – бормотала она. – Я не подумала... Надеюсь, вы меня простите. Лорин встретила бы вас гораздо лучше.

– Тогда Лорин следовало быть здесь, – с улыбкой ответила я. Не смогла удержаться от легкого упрека, хотя девушка мне нравилась. Вопреки всему услышанному и ее собственному странному, необъяснимому поведению, в лице ее, когда она улыбалась, появлялось нечто неотразимо милое. И потом, при всей рассеянности, какая это была леди! Ни простое платье, ни сдержанность манер не могли этого скрыть. Благородство сказывалось в каждой линии тонкой, грациозной фигуры, в каждом переливе музыкального, хотя и стесненного голоса. Увидь я ее в собственной гостиной, а не среди голых, заплесневелых стен, я сказала бы то же: «Настоящая леди!» Но тогда все это лишь мелькнуло у меня в голове. Я не изучала ее характер, а пыталась понять, почему мой приезд так ее встревожил. Бедность? Смущение от внезапных хлопот, к которым не были готовы? Едва ли. К такому чувству не примешивался бы страх, а именно страх я увидела на ее лице еще до того, как за мной закрылась парадная дверь. Но этот страх – вызван ли он мною или чем-то, угрожающим ей из другой части дома?

Последнее казалось вероятнее. То, как она прислушивалась, как слегка вздрагивала при каждом звуке, убедило меня: источник тревоги не я и потому он заслуживает самого пристального внимания. Болтая и всячески стараясь вызвать доверие, я между фразами невольно спрашивала себя, боится ли она за сестру, за брата или дело совсем в другом, связанном с той страшной загадкой, которая привела меня в Х. А может быть, это лишь признак постоянного недомогания, которое Грайс неверно истолковал и которое породило подозрения, рассеять их, возможно, и было моей здешней задачей?

Желая несколько ускорить события, я взглянула на мрачные ветви, почти врывавшиеся в открытые окна, и заметила:

– Что за вид для таких молодых глаз! Не надоедают вам эти сосны и густые тени? Неужели маленький дом в более солнечной части поселка не лучше всего этого унылого великолепия?

Она подняла глаза; внезапная тоска сделала ее улыбку жалкой.

– Здесь прошли и самые счастливые, и самые печальные мои дни. Не думаю, что мне хотелось бы покинуть этот дом ради любого солнечного домика. Мы не созданы для веселых жилищ. Мрачность старого дома нам подходит.

– И этой дороги, – рискнула я. – Никогда не ездила по более темной и живописной. Мне казалось, я пробираюсь сквозь дикую глушь.

На мгновение она забыла о своей тревоге и пристально посмотрела на меня; по лицу медленно прошла едва заметная тень сомнения.

– Она пустынная, – согласилась девушка. – Неудивительно, что показалась вам мрачной. Вы не слышали... вам никто не говорил, что... что она считается не вполне безопасной?

– Безопасной? – повторила я с выражением легкого удивления в глазах – да простит меня Бог!

– Да, у нее не лучшая репутация. Здесь происходили странные вещи. Я думала, на станции кто-нибудь любезно предупредит вас об этом.

В голосе ее звучала мягкая насмешка – только и всего, по крайней мере так показалось мне тогда. Я чувствовала, что попадаю в какой-то лабиринт.

– Кто-то, кажется начальник станции, действительно говорил о мальчике, пропавшем где-то в этом лесу. Вы об этом, моя дорогая?

Она кивнула, снова оглянулась через плечо и приподнялась, словно повинуясь желанию бежать.

– Лес достаточно темен, чтобы в его чаще пропал и не один человек, – заметила я, вновь посмотрев на окна с тяжелыми шторами.

– Несомненно, – согласилась она, опять садясь и нервно глядя на меня. – Мы привыкли к ужасам, которые он внушает чужим, но если вы... – Она вскочила с таким порывом, что все лицо ее переменилось, чего сама она едва ли сознавала. – Если вы боитесь спать в такой мрачной обстановке, мы можем найти вам комнату в поселке. Там вам будет удобнее, и навещать вас мы сможем почти так же, как здесь. Найти? Позвать...

Должно быть, лицо мое стало очень суровым: на этом месте слова ее оборвались, а щеки впервые на моей памяти залил румянец, придавший ей крайне огорченный вид.

– Скорее бы пришла Лорин! Предложения у меня совсем неудачные, – сказала она с виноватым движением губ, составлявшим одну из ее тонких прелестей. – Ах, вот и она! Теперь я могу идти! – воскликнула она и, по-видимому ничуть не сознавая неуместности своих слов, выскочила из комнаты почти прежде, чем сестра успела войти.

Однако прежде их глаза успели встретиться в необычайно многозначительном взгляде.

Глава V. Странное семейство

Не заметь я этого понимающего взгляда, впечатление от мисс Ноулз могло бы отчасти сгладить впечатление от более нервной и менее сдержанной Лусетты. Достоинство ее осанки, спокойствие, с которым она подошла, и прежде всего ровный голос приветствия располагали к доверию и обещали непринужденность в доме, где она считалась хозяйкой. Но тот взгляд! Помня его, я могла проникнуть под спокойную поверхность и в самой ее выдержке разглядеть ту же тайную тревогу, которую сестра проявляла так явно и, по-видимому, невольно.

Лицом и фигурой она была красивее Лусетты. В простом черном платье с тонкими батистовыми оборками выглядела еще изящнее. Но ей недоставало мимолетного очарования сестры: всем видом достойная восхищения, при первом знакомстве она меньше располагала к любви.

Однако размышления задерживают рассказ, в котором события важнее рассуждений. Я, естественно, ожидала, что с появлением старшей мисс Ноулз меня отведут в комнату. Но она села и с извиняющимся видом сообщила, что, к сожалению, не может оказать мне привычного гостеприимства. Не зависящие от нее обстоятельства не позволяют предложить мне гостевую спальню. Если я соблаговолю на эту ночь принять другую, завтра она постарается устроить меня лучше.

Убедившись, насколько мучительна для них бедность, и предпочитая терпеть лишения, а не покидать дом, насквозь пропитанный тайной, я поспешила заверить ее, что буду довольна любой комнатой. С выражением добрых чувств, не вполне притворных, я стала собирать дорожные вещи, ожидая, что меня сейчас поведут наверх.

Но мисс Ноулз вновь удивила меня: комната еще не готова, все необходимые приготовления завершить не успели, и она просит меня до вечера чувствовать себя как дома здесь, где я сижу.

Для женщины моих лет, только что перенесшей железнодорожное путешествие и от природы привыкшей к чистоте и порядку, просьба была немалая. Я несколько смутилась, но по уже названным причинам скрыла чувства, положила свертки обратно на стол и постаралась как можно легче перенести довольно тягостное положение.

Я сразу завела разговор, начав, как и с Лусеттой, с ее матери. Я знала лишь в самых общих чертах, почему миссис Ноулз отправилась в путешествие, окончившееся смертью и погребением на чужбине. Говорили, что она уехала поправить здоровье, пошатнувшееся после рождения Лусетты. Но молва не объясняла, почему ее не сопровождали ни муж, ни дети. Оставалось многое, о чем девушки, возможно, охотно рассказали бы и что глубоко меня интересовало. Однако мисс Ноулз – намеренно или нет – встретила мои доброжелательные вопросы с такой холодностью, что я не стала настаивать. Вместо этого заговорила о себе, надеясь установить подлинно дружеские отношения. Тогда, пусть не сейчас, а позднее, она сможет объяснить, что за тяжесть легла на их дом: войти сюда и не почувствовать окутывающего всех тайного ужаса было невозможно.

Но мисс Ноулз, слушая внимательнее сестры, все же безошибочно давала понять: сердцем и мыслями она где угодно, только не здесь. Усмотреть в этом недостаток собственного умения нравиться я не могла – при полном старании оно редко меня подводило. И все-таки ее манера действовала удручающе. Я продолжала болтать, уже без прежней связности, отмечая странности этого необъяснимого приема, но не выдавая, как твердо полагаю, ни беспокойства, ни все растущего любопытства.

Замеченные мною при первом знакомстве особенности этих интересных, но отнюдь не простых сестер сохранялись весь день. Одна входила – другая уходила. Когда объявили обед и

по голому мрачному коридору меня провели в столь же голую и непривлекательную столовую, стулья стояли на четверых, но за столом сидела лишь Лусетта.

– Где Лорин? – с удивлением спросила я, садясь на место, указанное одной из ее слабых, быстро исчезающих улыбок.

– Сейчас она прийти не может, – запнулась молодая хозяйка, бросив явно огорченный взгляд на крупную, здоровую с виду женщину, позвавшую меня обедать.

– Ага, – произнесла я, подумав, что Лорин, возможно, понадобилась на кухне. – А ваш брат?

С первых моих расспросов о нем больше не упоминали. Из чистого сострадания я не решалась возобновить эту тему; они тоже не сочли нужным ввести его имя в разговор. Поэтому ответа я ждала с некоторой тревогой, втайне предчувствуя, что странный прием каким-то образом связан с ним.

Поспешный ответ, не вызвавший, однако, нового смущения, несколько рассеял это предположение.

– Он скоро придет, – сказала она. – Уильям никогда не отличался пунктуальностью.

Но, когда он появился, я невольно заметила, как сразу переменилась ее манера: тревога стала почти мучительной. Это была моя первая встреча с настоящим главой дома, но она дождалась, пока они обменяются взглядами, и лишь затем представила нас. Когда же он сел за стол, мысли и внимание ее так прочно сосредоточились на нем, что обычные обязанности хозяйки почти забылись. Если бы не упомянутая женщина, чья добродушная забота с избытком возмещала рассеянность госпожи, я пообедала бы плохо, хотя еда была хороша и обильна, особенно при средствах хозяев.

Казалось, она боится, что он заговорит, едва ли не пошевелится. С полуоткрытыми губами она следила за ним, словно готовая пресечь любое неосторожное выражение, которое могло сорваться, когда он попытается быть любезным. Даже левую руку она оставляла свободной, явно намереваясь протянуть ее к нему, если в своей тяжелой тупости он скажет что-нибудь, способное открыть мне глаза на то, что она так страстно желала скрыть. Все это было мне так же ясно, как его непроницаемое равнодушие к ее тревоге. По опыту я знала: именно в таких тупых увальнях нередко таятся худшие страсти. Пользуясь правами возраста, я заставила его поддержать разговор, надеясь, что сквозь бдительность сестры хоть на миг проглянет его истинная натура.

Не желая снова заводить речь о дороге, я с вполне естественным интересом спросила, кто их ближайший сосед. Поднял глаза Уильям и ответил тоже Уильям.

– Ближе всех старая матушка Джейн, – сказал он, – да от нее никакого толку. Мы о ней и не вспоминаем. Из соседей мне нравится только мистер Тром. Какие персики у старика! Какой виноград! Какие дыни! Он дал мне сегодня утром две такие, каких вы не видывали. Клянусь Юпитером, до сих пор вкус чувствую!

Лицо Лусетты, которому следовало бы вспыхнуть от унижения, необъяснимым образом побледнело. Впрочем, не так сильно, как несколькими минутами раньше, когда он начал: «Лорин просила оставить этого супа для...» – и неловко оборвался, возможно сообразив, что при мне упоминать просьбы Лорин не следует.

– Мне казалось, ты обещал больше никогда не просить у мистера Трома фруктов, – с упреком сказала Лусетта.

– А я и не просил! Постоял у забора, поглядел через него. Мы с мистером Тромом хорошие приятели. Почему мне его фруктов не есть?

Взгляд, который она ему послала, тронул бы камень, но он, казалось, остался совершенно бесчувствен. Убедившись в этом, она опустила голову и не ответила ни слова. И все же мне почему-то казалось: даже теперь, явно страдая от глубокого унижения, она думала не только

о нем. Было что-то еще, чего она боялась. Надеясь облегчить ее положение и разрядить обстановку, я заставила себя улыбнуться молодому человеку:

– Почему вы сами не разводите дыни? Будь у меня такая земля, я постаралась бы выращивать все, что на ней может расти.

– Еще бы, вы ведь женщина! – почти грубо возразил он. – Для женщин дело подходящее. Да, пожалуй, и для тех мужчин, которым нравится смотреть, как фрукты висят на ветках. А я их люблю только есть.

– Не надо, – вмешалась Лусетта, но не с той силой, какой я ожидала.

– Я люблю охотиться, учить собак да лакомиться чужими плодами, – засмеялся он, кивая раскрасневшейся Лусетте. – Не понимаю, зачем человеку надрываться ради того, что дают по первой просьбе. Жизнь слишком коротка для такой глупости. Пока я на этом благословенном шаре, намерен жить в свое удовольствие.

– Уильям!

Возглас вырвался неудержимо, но я ожидала иного. Как ни мучительно было видеть его тупость и полное бесчувствие, это все же не то, чего она страшилась. Иначе почему протест оказался столь слабым в сравнении с тем, что обещало ее лицо?

– Ага! – закричал он с огромным удовольствием, тогда как она отпрянула в ужасе. – Лусетте не нравится, когда я так говорю. По ее мнению, мужчина должен трудиться, пахать, боронить, копать, надрываться как раб, лишь бы поддержать усадьбу, от которой все равно никакого проку. А я ей говорю: работать она меня никогда не заставит. Я родился джентльменом и буду жить джентльменом, хоть бы дом над нами рухнул. Может, так от него и избавиться лучше всего. Тогда я поселюсь у мистера Трома и стану есть дыни с раннего утра до позднего вечера. – И снова зазвучал его грубый смех.

То ли этот смех, то ли слова взволновали ее сильнее всего прежнего. Протянув руку, она зажала ему рот и почти безумно, умоляюще взглянула на женщину, стоявшую у него за спиной.

– Мистер Уильям, как вы можете! – запротестовала та. Он уже собирался сердито повернуться к ней, но она наклонилась и прошептала на ухо несколько слов. Они, казалось, усмирили его: сквозь дрожащие пальцы сестры вырвалось короткое хмыканье, затем он пожал тяжелыми плечами и умолк.

Я была лишь зрительницей, но ни одной подробности этой сцены нескоро забыла.

Остальная часть обеда прошла тихо. Уильям и я ели с большим или меньшим аппетитом; Лусетта не прикоснулась ни к чему. Щадя ее, я отказалась от кофе, и, едва брат показал, что насытился, мы поспешили встать. Никогда в жизни мне не доводилось обедать с таким неудобством.

Глава VI. Невеселый вечер

Вечер, как и день, я провела в гостиной с одной из сестер. Записать стоит лишь одно происшествие. Беседа, на какую бы тему мы ни заводили ее, всякий раз замирала, и это меня чрезвычайно утомило. Заметив в углу старое фортепьяно, я села за него – когда-то я играла очень недурно – и, повинуясь внезапному порыву, взяла несколько аккордов на пожелтевших клавишах. Лусетта – в тот час со мной была именно она – тотчас подскочила ко мне с ужасом на лице.

– Не надо! – воскликнула она, накрывая мою руку своей, чтобы остановить меня. Затем, заметив мое исполненное достоинства изумление, добавила с умоляющей улыбкой: – Простите, пожалуйста, но сегодня от всякого звука меня точно пронзает насквозь.

– Вы нездоровы? – спросила я.

– Я никогда не бываю вполне здорова, – ответила она, и мы вернулись на диван, где возобновили наши жалкие, вымученные попытки поддержать разговор.

Ровно в девять вошла мисс Ноулз. Она была очень бледна и, прежде чем обратиться ко мне, бросила на сестру свой обычный печальный и тревожный взгляд. Лусетта тотчас поднялась и, тоже сильно побледнев, поспешила к двери, но сестра остановила ее.

– Ты забыла пожелать нашей гостье спокойной ночи.

Лусетта мгновенно обернулась и, поддавшись внезапному, неудержимому порыву, схватила мою руку и судорожно стиснула ее.

– Спокойной ночи! – воскликнула она. – Надеюсь, вы будете хорошо спать! – И исчезла, прежде чем я успела ответить.

– Почему Лусетта уходит, когда вы приходите? – спросила я, решив выяснить причину столь странного поведения. – У вас в доме есть еще гости?

Она ответила с неожиданной горячностью:

– Нет! Почему вы так решили? Здесь нет никого, кроме нашей семьи.

И отвернулась с достоинством, которое, должно быть, унаследовала от отца: Алтея Берроуз обладала многими привлекательными качествами, но только не этим.

– Вы, должно быть, очень устали, – заметила она. – Если позволите, я провожу вас в вашу комнату.

Я немедленно встала, обрадованная возможностью осмотреть верхний этаж. Она взяла на руку мои верхние вещи, и мы тотчас вышли в переднюю. Тут до меня донеслись голоса; один был пронзительным и полным страдания. Но хлопнувшая дверь так быстро заглушила их, что я не успела разобрать, кому принадлежал этот мучительный возглас – мужчине или женщине.

Шедшая впереди мисс Ноулз тревожно оглянулась, но, поскольку я ничем не показала, что заметила нечто необычное, вскоре снова направилась к лестнице. Голоса доносились сверху, и я с готовностью последовала за ней. Однако мой пыл несколько остыл, когда мы пошли по длинному коридору мимо одной двери за другой, к комнате, расположенной как можно дальше от той части дома, которая, по-видимому, была жилой.

– Неужели непременно нужно поселить меня так далеко? – спросила я, когда юная хозяйка остановилась и подождала меня на пороге самой неприветливой комнаты, в какую мне когда-либо доводилось входить.

Краска, залившая ее лоб, показывала, как остро она чувствует неловкость своего положения.

– Поверьте, мне очень жаль, что приходится предложить вам такое убогое помещение, – сказала она. – Но остальные комнаты у нас не в порядке, и сегодня я не могу устроить вас лучше.

– А поближе к вам ничего нет? – настаивала я. – Мне было бы приятнее устроиться на кушетке у вас в комнате, чем здесь, в таком отдалении.

– Я… надеюсь, вы не из робких, – начала она, но я поспешила ее разуверить.

– Из всего, что есть на свете, я боюсь только собак! – горячо заявила я. – Но одиночества я не люблю. Я ведь приехала ради общества, моя дорогая. Право же, мне хотелось бы спать в одной комнате с кем-нибудь из вас.

Я говорила так, чтобы увидеть, как она встретит мою настойчивость. А встретила она ее отказом, чего, впрочем, и следовало ожидать.

– Мне очень жаль, – снова повторила она, – но это совершенно невозможно. Я была бы рада предоставить вам удобства, к которым вы привыкли, однако нам с сестрой не везет, и…

Она не договорила и принялась хлопотать по комнате, где лишь один предмет хоть сколько-нибудь радовал глаз. То был мой сундук, аккуратно поставленный в углу.

– Вы, вероятно, не привыкли к свечам, – заметила она и от своей свечи зажгла другую, показавшуюся мне совсем коротким огарком.

– Дорогая моя, – сказала я, – я могу приспособиться ко многому, к чему не привыкла. Стародевических причуд у меня почти нет. Вы еще убедитесь, что я вовсе не трудная гостья.

Она вздохнула, а затем, заметив, как медленно скользит мой взгляд по серым, покрытым пятнами стенам, на которых не висело даже самой захудалой гравюры, указала на шнур звонка у изголовья и заботливо сказала:

– Если ночью вам что-нибудь понадобится или что-то вас побеспокоит, потяните за него. Звонок проведен ко мне в комнату, и я с радостью приду.

Я подняла глаза на шнур, проследила взглядом за соединенной с ним проволокой и увидела, что та оборвана, даже не дойдя до стены.

Оборванная проволока механического звонка.

– Боюсь, вы меня не услышите, – ответила я, указав на разрыв.

Она залилась густым румянцем и на мгновение смутилась не меньше, чем прежде ее сестра.

– Я не знала, – пробормотала она. – Дом такой старый, здесь все более или менее требует починки.

И поспешила уйти.

Я с мрачной решимостью шагнула следом.

– Но от двери нет ключа, – возразила я.

Она вернулась; насколько это было возможно при ее спокойных чертах, лицо ее выражало отчаяние.

– Знаю, – сказала она, – знаю. У нас ничего нет. Но если вы не боитесь – а чего вам бояться здесь, под нашей защитой, когда снаружи сторожит хорошая собака? – то на эту ночь вы уж потерпите, и… Боже мой! – пробормотала она, но мой обострившийся слух уловил каждое слово. – Неужели она слышала? Неужели об этом месте уже пошла молва? Мисс Баттерворт, – снова обратилась она ко мне со всей серьезностью, – в этом доме вам нечего страшиться. Нашей гостье ничто не угрожает. Вам незачем тревожиться ни о себе, ни о нас, пройдет ли ночь тихо или же ее тишину нарушат необъяснимые звуки. Они не будут иметь отношения ни к чему, что могло бы вас интересовать.

«Ах вот как! – подумала я. – Не будут, значит! Слишком уж равнодушной вы меня считаете, моя дорогая». Но вслух я произнесла лишь несколько успокоительных слов и нарочно покороче: каждая лишняя минута, на которую я ее задерживала, была для нее ненужной пыткой. Затем я вернулась в свою комнату и тщательно закрыла дверь. Моя первая ночь в этом унылом доме со столь странными порядками начиналась отнюдь не благоприятно.

Глава VII. Первая ночь

Уверяя мисс Ноулз, что перспектива ночевать вдали от остальных обитателей дома меня не пугает, я не погрешила против истины. Я женщина мужественная – по крайней мере, всегда считала себя таковой – и у себя дома занимаю второй этаж одна, без малейших опасений. Но эти два жилища несколько различаются, с чем вы, полагаю, уже готовы согласиться. И хотя того, что принято называть страхом, я почти не испытывала, привычные мелкие хлопоты, которыми я обеспечиваю себе удобство на ночь, на этот раз доставляли мне мало удовольствия. Мрак царил и внутри четырех голых стен, в которых я оказалась заперта, и за их пределами. Нужно было вовсе не иметь человеческих чувств, чтобы этого не заметить. Я не боялась, что уныние мной овладеет, однако с радостью поспешила немного оживить обстановку: открыла сундук и достала кое-какие личные вещи, без которых даже самая светлая комната кажется пустой, а уж подобное логово – совсем непригодным для жилья.

Затем я хорошенько огляделась, соображая, чем обеспечить себе хоть некоторое чувство безопасности. Кровать была легкая; ее можно было придвинуть к двери. Уже кое-что. Единственное окно закрывали плотные занавеси из темной ткани весьма похоронного вида. Я подошла, раздвинула тяжелые складки и выглянула наружу. Густая листва сразу заслонила от меня небо, еще усилив ощущение заброшенности. Я снова опустила занавесь и села на стул подумать.

Огарок свечи, которым меня снабдили, показался мне подозрительно коротким – настолько подозрительно, что после ухода мисс Ноулз я почти сразу его погасила. Если эти девушки, бесспорно прелестные, но хитрые, рассчитывали сократить мое бдение, сократив запас свечи, я не дам им повода усомниться в успехе своей уловки. Предусмотрительность, заставляющая меня брать в дорогу теплую накидку даже в самую жаркую погоду, побуждает класть в сундук и полдюжины свечей. Достаточно было открыть небольшой продолговатый ящичек в верхнем отделении, чтобы получить возможность жечь свет всю ночь.

Пока все шло недурно. Свет у меня был. Но найдется ли у меня что-нибудь еще на случай, если Уильям Ноулз… Тут мне вспомнились взгляд мисс Ноулз и ее успокоительные слова: «Что бы вы ни услышали – если вообще что-нибудь услышите, – к вам это отношения не имеет и тревожить вас не должно».

С эгоистической точки зрения это, конечно, утешало. Но разве могло успокоить меня за других?

Не зная, что обо всем этом думать, и вполне сознавая, что при таких обстоятельствах сон ко мне не придет, я наконец решила не ложиться, пока не удостоверюсь, что заснуть мне действительно следует. Поэтому, сделав все упомянутые мелкие приготовления, я накинула на плечи уютную шаль и приготовилась слушать. Я опасалась, что за этим занятием мне предстоит провести не один тоскливый час ночи, которой вряд ли кто-нибудь позавидовал бы.

Здесь позволю себе прерваться и сказать, что при всей продуманности моих сборов я забыла дома одну вещь, и теперь это делало меня едва ли не несчастной. Я не захватила спиртовку и прочие принадлежности, которыми пользуюсь, когда завариваю чай у себя в комнате. Окажись они со мной, я могла бы приготовить чашку своего восхитительного чая и потягивать его, прислушиваясь к звукам, способным нарушить полночную тишину этого дома. Как это поддержало бы мой дух! И в каком ином свете я, возможно, увидела бы мистера Грайса и возложенное на меня поручение! Но я была лишена и этого утешения, и удовольствия возложить вину на кого-нибудь другого. Лена уже взялась было за чайник, однако я покачала головой, опасаясь, как бы его вид не оскорбил моих молодых хозяек. Но я никак не рассчитывала, что меня запрячут в отдаленный угол дома, где свободно разместилась бы дюжина семейств. И если когда-нибудь я снова отправлюсь в путешествие…

Впрочем, это личное дело Амелии Баттерворт, вам совершенно не интересное. Больше я не стану докучать вам своими слабостями.

Пробило одиннадцать, но я не услышала ни звука. Наступила полночь, и мне стало казаться, что теперь в доме не так тихо, как прежде: изредка доносились слабый скрип дверных петель или приглушенные крадущиеся шаги. Однако все это было настолько неясно, что некоторое время я не решалась признаться себе: в доме происходит что-то, чего не ожидаешь в обыкновенном жилище порядочного молодого человека и двух с виду очень тихих девушек. Даже когда шум и шепот усилились до такой степени, что я стала различать угрюмый голос брата и более мягкие, тщательно сдерживаемые голоса Лусетты и ее сестры, я готова была объяснить происходящее каким угодно предположением – лишь бы не пришлось заподозрить этих хрупких девушек в тайном злодейском умысле.

Но шум и передвижения в передней части дома не утихали. Столь сильное беспокойство в загородном жилище далеко за полночь могло объясняться только чем-то необычайным. Я решила, что в таких обстоятельствах оставаться во сне способен лишь человек, совершенно глухой и слепой ко всему, и что хозяева вполне сочтут меня вправе открыть дверь и выглянуть в коридор. Поэтому я без дальнейших колебаний отодвинула кровать и посмотрела наружу.

Во всем огромном доме стояли полная тишина и темнота. Виднелся только свет моей свечи в комнате за спиной. А тишина была даже чрезмерной: так бывает, когда люди намеренно затаиваются, а не когда спокойно отдыхают.

Это оказалось так неожиданно, что я на мгновение застыла в недоумении. Затем я втянула носом воздух и тихонько рассмеялась про себя. Я ничего не видела и ничего не слышала, но Амелия Баттерворт, подобно большинству своих собратьев, располагает не двумя чувствами, и, к счастью, здесь было что понюхать. Свеча, которую быстро задули, оставляет свидетельство, доступное такому чуткому обонянию, как мое. И оно говорило, что темнота обманчива. Кто-то только что прошел со светом у начала моего коридора, а если свет погасили, это вовсе не значит, что державший его человек далеко ушел. Мне даже показалось, что теперь я слышу его прерывистое дыхание.

– Гм! – произнесла я вслух, словно бессознательно разговаривая сама с собой. – Не часто мне снятся такие живые сны! Я была уверена, что слышу в коридоре шаги. Боюсь, я становлюсь нервной.

Ничто не шевельнулось. Никто не ответил.

– Мисс Ноулз! – твердо позвала я.

Ни звука.

– Лусетта, дорогая!

Я уже решила, что и этот призыв останется без ответа, но, когда повысила голос в третий раз, по коридору вдруг кто-то стремительно пробежал. В слабом круге света от моей быстро догоравшей свечи появилась взволнованная Лусетта, совершенно одетая.

– Мисс Баттерворт, что случилось? – спросила она, делая движение, будто хотела увлечь меня в комнату; я, разумеется, позаботилась, чтобы это ей не удалось.

Взглянув на ее платье – то самое, в котором она сидела за ужином, – я со смехом возразила:

– Не скорее ли мне следовало бы спросить об этом вас? По моим часам два часа ночи, а вы, при всей своей кажущейся хрупкости, до сих пор не ложились. Что это значит, моя дорогая? Неужели мой приезд так расстроил ваши порядки, что никто из вас не может уснуть?

Она до тех пор прятала от меня глаза, но тут быстро подняла их.

– Простите, – начала она, краснея и пытаясь заглянуть в мою комнату, возможно, чтобы узнать, ложилась ли я вообще. – Мы не хотели вас беспокоить, но… но… Ах, мисс Баттерворт, простите нашу бедность и то, как нам приходится выкручиваться. Мы хотели приготовить вам

другую комнату, но стыдились показать, как мало у нас для этого найдется вещей. Поэтому мы сегодня ночью переносили кое-что из своей комнаты, и…

Тут голос ее прервался, и она залилась почти неудержимыми слезами.

– Не надо, – взмолилась она, когда я, порядком устыдившись, принялась оправдываться. – Не надо. Я сейчас успокоюсь. Я привыкла к унижениям. Только… – Она вся дрожала, точно всем телом умоляя меня. – Только прошу вас, говорите потише. Для брата все это еще больнее, чем для нас с Лорин, и если он услышит…

Приглушенное ругательство из дальнего конца коридора убедило меня, что он уже услышал, но я ничем не выдала этого. А Лусетта поспешила добавить:

– Он не простит нам, что мы по неосторожности разбудили вас. Он бывает груб, но сердце у него такое доброе, такое доброе!

Эти слова, вместе с только что упомянутой мелочью, вызвали во мне резкую перемену чувств. Он – добрый? Не верю! Но когда я вопросительно посмотрела ей в глаза, она не отвела взгляда. Мне стало казаться, что, быть может, я несправедлива ко всем троим и что все виденное мной объясняется, как она явно старалась внушить, их попытками при всей своей бедности устроить неожиданную гостью поудобнее. Поэтому я постаралась отнестись к делу как можно благожелательнее и поцеловала это бедное, жалкое, умоляющее лицо. Меня поразило, до чего холоден ее лоб. Обеспокоившись еще сильнее, я заверила ее во всей признательности, какую только могла выразить, и отправила к себе, велев больше не хлопотать о другой комнате для меня.

– Только, – добавила я, заметив, как просветлело ее лицо, – завтра мы сходим к слесарю за ключом. И начиная с завтрашнего вечера будьте так добры распорядиться, чтобы перед сном мне приносили в комнату чашку чая. Без своей чашки чая я ни на что не гожусь, дорогая. Что другим мешает уснуть, меня усыпляет.

– О, чай у вас будет! – воскликнула она с почти неестественным рвением. Потом выскользнула из моих рук, еще раз торопливо извинилась за то, что разбудила меня, и поспешно побежала назад.

Я протянула руку в свою комнату за оплывавшей свечой и подняла ее, чтобы посветить девушке. Лусетта словно съежилась от ее лучей, и последнее, что я успела увидеть в этой удалявшейся фигурке, было то же выражение ужаса на бледном лице, которое заинтересовало меня при нашей первой встрече.

– Пусть она объяснила, отчего все трое не спят в такую пору, – пробормотала я. – Но почему при каждом разговоре на ее лице появляется страх, этого она не объяснила.

С этими мыслями я вернулась в комнату, снова придвинула кровать к двери, легла на нее и от одной лишь досады крепко уснула.

Глава VIII. На лестнице

Проснулась я только утром. В комнате было так темно, что я, вероятно, проспала бы и дольше, если бы на помощь моей привычке к строгой пунктуальности не пришел легкий стук в дверь.

– Кто там? – окликнула я: сказать «Войдите» я не могла, пока не отодвинула кровать, чтобы дверь открылась.

– Ханна, принесла теплой воды, – ответил голос, и я поспешила встать. Ханна была той женщиной, что прислуживала нам за обедом.

Ее приятное, хотя и несколько осунувшееся лицо оказалось желанной переменой после мрачных впечатлений ночи. Со своей обычной прямотой, но и с обычной доброжелательностью я спросила, как чувствуют себя нынче утром барышни.

Она ответила с подчеркнутой откровенностью.

– О, все как всегда, – сказала она. – Мисс Лорин на кухне, а мисс Лусетта скоро зайдет узнать, как вы. Надеюсь, и вы хорошо провели ночь, сударыня.

Спала я, пожалуй, даже больше, чем следовало, и поспешила заверить ее, что со мной все благополучно. Затем, заметив, что эта добродушная женщина, возможно до смерти утомленная жизнью в унылом доме, не прочь поболтать, я нашла предлог задержать ее еще на несколько минут и сказала:

– Какое огромное жилище для четырех человек! Или у вас есть еще кто-то, кого я не видела?

Мне показалось, что ее здоровый румянец на мгновение поблек, но, когда она ответила своим громким, добродушным голосом, краска уже вернулась на щеки.

– О, из прислуги я здесь одна, сударыня. И готовлю, и подметаю, и все прочее. Другой возле себя я бы не потерпела. Даже мистер Симсбери, который ухаживает за коровой и лошадью, а в дом приходит только обедать, и тот порой мне докучает. Люблю быть на кухне сама себе хозяйкой – разве уж барышням вздумается зайти. Вам еще чего-нибудь угодно, сударыня? И что вы предпочитаете к завтраку: чай или кофе?

Я сказала, что по утрам всегда пью кофе. Мне хотелось задать еще вопрос-другой, но она не дала мне возможности. Уходя, Ханна взглянула на мой подсвечник. В нем оставался лишь наполовину сгоревший огарок. «И она подсчитывает, до каких пор я бодрствовала», – подумала я.

Когда я вышла, чтобы спуститься вниз, Лусетта стояла наверху лестницы.

– Простите, что оставлю вас на несколько минут, – сказала она. – Я еще не совсем готова, но скоро приду.

– Я пока осмотрю сад.

Мне показалось, что она на мгновение заколебалась, но затем лицо ее просветлело.

– Смотрите, не наткнитесь на собаку! – воскликнула она и поспешно скрылась в боковом коридоре, которого я накануне не заметила.

«Ага, отличный способ удержать меня дома, – рассудила я. – Но сад я все-таки осмотрю, даже если придется отравить эту собаку». И все же выходить из дома я не торопилась. Я не считаю нужным искушать Провидение, особенно когда дело касается собак.

Вместо этого я осталась на месте и принялась оглядывать коридоры, стараясь понять их расположение и выяснить, где находится моя комната относительно остальных.

Главный коридор шел под прямым углом к тому длинному, по которому я только что прошла. Двери, выходившие в него, были гораздо больше и отделаны куда богаче тех, что я миновала по пути. Я заключила, что лучшие спальни расположены в передней части дома, а меня поместили в конце бывшего коридора для прислуги. Справа от меня, если смотреть

вниз по лестнице, в стене виднелся проем, похожий на вход в еще один коридор. Впоследствии я узнала, что длинному ряду комнат, из которых моя была последней, соответствовал такой же ряд в другом крыле огромного здания; таким образом, в плане дом напоминал вытянутую букву П.

Условная схема по описанию Амелии; размеры и стороны света не заданы.

Я с некоторым изумлением разглядывала этот проем и размышляла о том расточительном гостеприимстве прежних времен, ради которого в частном доме джентльмена устраивали столько комнат, когда услышала, как открылась дверь и заговорили два голоса. Один, грубый и небрежный, несомненно принадлежал Уильяму Ноулзу. Другой, медлительный и робкий, столь же несомненно принадлежал человеку, который накануне привез меня сюда. Говорили они о некой пожилой особе. Мне хватило здравого смысла, чтобы не позволить негодованию помешать очевидному выводу: под этой пожилой особой они подразумевали меня. Это важно, потому что слова их были небезынтересны.

– Как бы нам спровадить старуху из дому, пока все не кончится? – услышала я угрюмый голос Уильяма.

– Лусетта что-то придумала, – последовал едва различимый ответ. – Я должен отвезти…

Больше я ничего не разобрала: дверь закрылась и отрезала конец фразы. Значит, в доме действительно творилось нечто мрачное, если не таинственное, а объяснения, которыми две милые, преданные друг другу девушки пытались прикрыть происходящее, ссылаясь на бед-

ность, все-таки оказались уловками. Огорченная за них, но в душе благодарная безрассудству их донельзя неосторожного брата за эту несомненную крупицу правды, я медленно спустилась с лестницы с тем полным самообладанием, какое дает тайное знание направленных против нас замыслов людей, чьи поступки уже внушили нам подозрение.

Отныне передо мной стояла одна задача: проникнуть в тайну этого семейства. Та ли это тайна, которую подозревал мистер Грайс, или другая, менее зловещая и опасная, для меня почти не имело значения. Пока на семье лежала эта тень, при упоминании их имени люди будут опускать глаза и качать головами. Если я могла этому помешать, так продолжаться не должно. Если за всем этим страхом скрывалась вина, ее следовало обнаружить; если же невиновность… Я вспомнила хмурое лицо брата и подумала, что с невиновностью оно несовместимо. Но тут же припомнила слова мистера Грайса на этот счет и немедленно прочла себе небольшую нотацию. Отложив все выводы, я посвятила несколько минут, в течение которых оставалась одна в столовой, тщательной подготовке ума к предстоящему делу. Оно едва ли обещало быть простым, если против моего ума выступит изобретательность Лусетты.

Глава IX. Новое знакомство

Когда сомнения меня покидают и образ действий окончательно выбран, я способна проявить немало добродушия и кажущейся простоты. Поэтому за завтраком мне довольно успешно удавалось держаться как ни в чем не бывало, и трапеза прошла без неприятных сцен, подобных вчерашним. Возможно, тут отчасти помогло то, что у кофейника сидела Лорин, а не Лусетта. Ее спокойный, ровный взгляд, по-видимому, несколько сдерживал шумные выходки, к которым Уильям был слишком уж склонен. А если ему все-таки случалось разразиться одним из своих грубых раскатов хохота и нарушить благопристойную тишину, ее менее возбудимая натура страдала от этого не так сильно.

Ем я медленно, но тут пришлось торопиться, иначе я осталась бы за столом одна. Настроения это мне не улучшило: я вовсе не желала рисковать несварением именно теперь, когда от моих умственных способностей требовалась особая острота. Я нашла выход, встав из-за стола голодной, но сделала это с такой улыбкой, что мисс Ноулз вряд ли догадалась: уже много лет мне не приходилось оставаться столь недовольной едой.

– Оставляю вас на несколько минут с братом, – сказала она, поспешно выходя из комнаты. – Очень прошу, не поднимайтесь к себе, пока мы не успеем там прибрать.

Я немедленно решила ослушаться этого указания. Но прежде следовало выяснить, чего я могу добиться от Уильяма.

Он повернулся и повел меня к передней части дома; вид его не сулил ничего обнадеживающего.

– Я подумал, вам, может, охота поглядеть сад, – проворчал он, явно не в восторге от назначенной ему роли. – До чего же он хорош! – прибавил он с усмешкой. – Здешние ребятишки зовут его джунглями.

– А кто в этом виноват? – спросила я, лишь отчасти потакая его дурному расположению духа. – У вас у самого пара крепких рук. Подрежьте здесь, расчистите там – и эти заросли примут совсем иной вид. Джентльмен обычно гордится своим имением.

– Да, когда оно все его. А тут у сестер столько же прав, сколько у меня. С какой стати мне хлопотать?

Этот человек был настолько себялюбив, что даже не сознавал, как откровенно себя выдает. Более того, он, по-видимому, гордился тем, что, вероятно, называл независимостью. Во мне стало расти сильнейшее отвращение к нему, и лишь с величайшим трудом я могла продолжать разговор спокойно.

– Можно подумать, вам доставило бы удовольствие хоть настолько помочь сестрам. Уж они-то, кажется, не жалеют сил, стараясь вам угодить.

Он щелкнул пальцами, и я испугалась, что из-за угла дома сейчас выскочит одна собака, а то и две. Но оказалось, так он выражал пренебрежение.

– О, девчонки ничего, – проворчал он. – Только никак отсюда не уберутся. Лусетта раз шесть могла замуж выйти, и однажды я уж думал, что дело на мази, да вдруг она взяла и повернула назад, а жениху дала от ворот поворот. Я тогда взбесился донельзя. Чего ей цепляться за меня, как репей, когда другие готовы взять эту обузу?

Столь явного и столь отвратительного себялюбия мне еще не доводилось встречать. Оно так возмутило меня, что я высказалась без особой осторожности.

– Быть может, она думает, что может быть вам полезна, – сказала я. – Я знала сестер, жертвовавших своим счастьем и без более веской причины.

– Полезна? – усмехнулся он. – Такая польза человеку вроде меня не нужна. Знаете, чего бы мне хотелось?

Мы стояли на одной из заросших дорожек лицом к дому. Говоря это, он поднял глаза и небрежно махнул в сторону унылых пустых окон без занавесок.

– Хотелось бы, чтобы весь этот дом был моим и я мог устроить в нем одно большое холостяцкое жилье. Чтобы я мог топать из конца в конец и не слышать в ответ ни звука, которого слышать не желаю. Мне бы он не показался ни слишком большим, ни слишком пустынным. Мы с собаками сумели бы его заполнить, правда, Сарацин? Ах да, я забыл, Сарацин заперт.

Последнюю фразу он пробормотал недовольно, но на это я почти не обратила внимания. То наслаждение, с каким он сказал, что они с собаками сумеют заполнить дом, потрясло меня. Этот человек начал внушать мне уже не просто отвращение, а нечто похожее на ужас.

– В ваших желаниях, – произнесла я как можно более бесстрастно, – сестрам, по-видимому, места не остается. Что сказала бы ваша матушка, если бы могла видеть вас оттуда, куда она ушла?

Он обернулся ко мне с такой злобой, что лицо его стало прямо-таки безобразным.

– Это вы к чему о моей матери заговорили? Разве я вам о ней говорил? Есть какая-то причина приплетать ее к этому разговору? Если есть, так скажите, и…

Он не выругался в мой адрес, не посмел, но был к этому до крайности близок, и одного этого оказалось достаточно, чтобы я отшатнулась.

– Она была моей подругой, – сказала я. – Я знала и любила ее еще до вашего рождения. Вот почему я о ней заговорила и сама нахожу это совершенно естественным.

Он, кажется, устыдился. Пробормотал какое-то подобие извинения и беспомощно огляделся – возможно, ища собаку, которую явно привык постоянно видеть у своих пяток. Я воспользовалась его минутной рассеянностью, чтобы вернуть собственному лицу спокойное выражение.

– Она была прекрасной девушкой, – заметила я, следуя тому правилу, что, раз лед уже проломлен, нечего медлить с прыжком в воду. – А ваш отец был столь же красивым мужчиной?

– Мой отец… да, давайте об отце. Вот уж кто знал толк в лошадях. Когда он умер, в конюшне стояли три кобылы – лучше во всей округе до самого Олбани не сыскать. Но эти черти-душеприказчики продали их, а мне… Впрочем, вчера вы могли испытать резвость старой Бесс. Боялись, небось, как бы из повозки не выкинуло? Черт побери, подумать только: человек с моими вкусами, и ни одной лошади, кроме этой!

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – заметила я, поворачивая его и направляясь к калитке.

– А, вы про то, как отец выглядел! Какая разница? Хотя он был красив. Говорят, все, что у меня есть недурного во внешности, – от него. Был здоровенный, еще больше меня, а пока он был жив… Ну зачем вы заставили меня говорить?

Зачем – я и сама не знала, но результат меня несомненно удивил. Эта огромная себялюбивая глыба и впрямь проявила чувство, которого тут же устыдилась, как и подобает неотесанному мужлану.

– Вчера, – сказала я, желая переменить разговор, – мне с трудом удалось войти в эту калитку, к которой мы идем. Не могли бы вы ее поправить? Ведь усилий тут требуется совсем немного.

Он остановился, взглянул на меня, проверяя, серьезно ли я говорю, а затем с угрюмой покорностью шагнул к калитке, на которую я все еще указывала решительной правой рукой. Но прежде чем он успел до нее дотронуться, что-то на пустынной, зловещей дороге заставило его вздрогнуть от неожиданности.

– Тром, это вы? – воскликнул он. – Ну и давно же вы в последний раз сворачивали за этот угол к нам в гости!

– Да, порядочно времени прошло, – ответил приятный, добродушный голос. Я еще не успела согнать с лица суровое выражение, которым пыталась пристыдить молодого человека

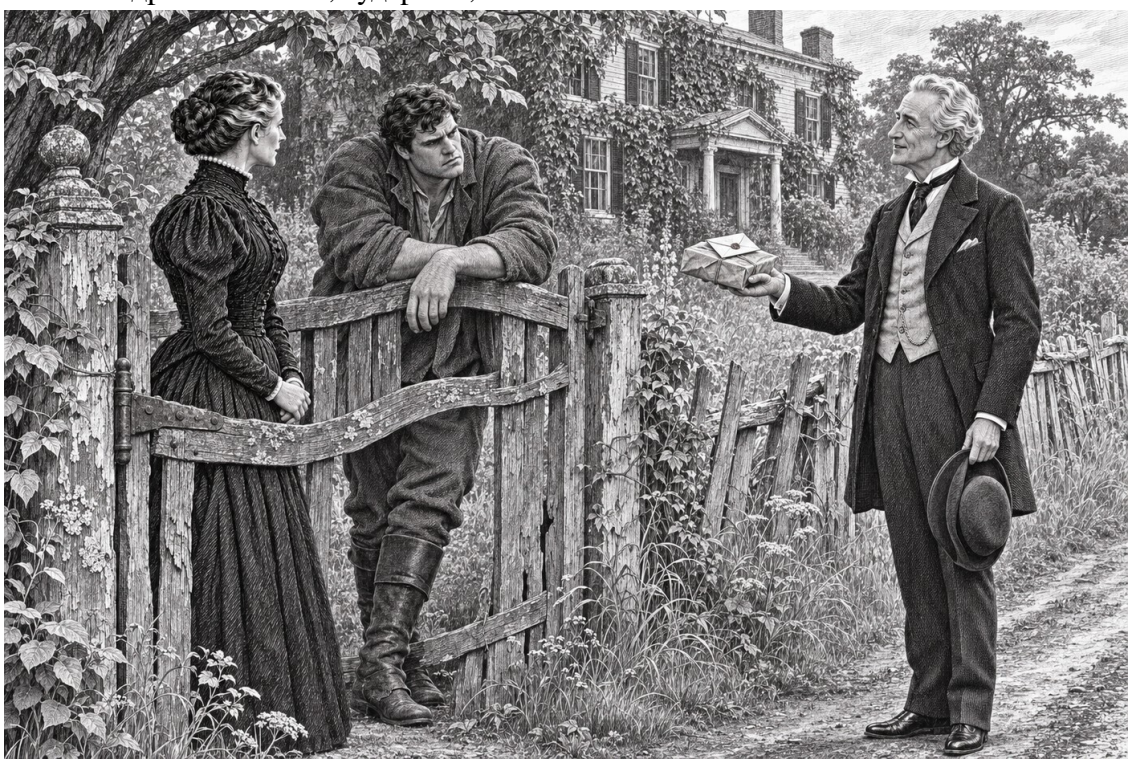
и пробудить в нем хоть какое-то приличное внимание к собственному имению. Не успела и принять более подобающий вид дамы, которую ранним утром неожиданно застали за собиранием цветов с чахлого куста чубушника. По другую сторону ограды появился джентльмен; в его взгляде и поклоне было столько приветливости и так мало таинственности, что впервые с той минуты, как я очутилась в мрачных пределах этого городка, я испытала несомненное удовольствие.

– Мисс Баттерворт, – пояснил мистер Ноулз, несколько принужденно махнув в мою сторону. – Гостья моих сестер.

При этом вид у него был такой, словно он надеялся, что я удалюсь. Однако мистера Трома он не пригласил войти; напротив, довольно демонстративно облокотился на калитку, как бы показывая, что и помыслить не может о каких-либо намерениях соседа, кроме обмена несколькими словами через ограду.

Я люблю угождать молодым, даже если они не приятнее моего угрюмого хозяина. И будь только что появившийся джентльмен столь же юн, я непременно оставила бы их поговорить без помех. Но он был старше. Он даже достиг тех лет, когда суждения вполне созревают, а все способности получают полное развитие. Поэтому я не видела, почему мое общество должно казаться ему помехой, и осталась. Следующие слова он обратил ко мне.

– Счастлив лично познакомиться с мисс Баттерворт, – сказал он. – Не ожидал такой чести, и оттого сюрприз тем приятнее. Я рассчитывал лишь передать служанке этот сверток и письмо. Они адресованы вам, сударыня, но по ошибке попали ко мне.

Я не сумела скрыть удивления.

– Я живу в следующем доме ниже по дороге, – сказал он. – Мальчишка, доставивший все это с почты, оказался глупым малым: я так и не смог уговорить его пройти дальше. Надеюсь, вы простите нынешнего посыльного и поверите, что задержки не произошло.

Я поклонилась с вежливостью, которая, должно быть, показалась рассеянной. Письмо было из Нью-Йорка и, как я сильно подозревала, от мистера Грайса. Почему-то это вызвало у меня явное смущение. Убрав письмо и сверток в карман, я постаралась встретить взгляд джентльмена с той непринужденностью, какую обычно сохраняю при незнакомцах. Но, странное дело, едва я это сделала, как заметила: он чувствует себя не свободнее моего. Он улыб-

нулся, посмотрел на Уильяма, вскользь заметил что-то о погоде, однако обмануть глаза, изощренные таким опытом, как мой, ему было не под силу. Что-то его тревожило, и это что-то было связано со мной. Даже признаться в этом самой себе было слегка неловко, и щеки мои потеплели; однако все было так очевидно, что я стала искать способ избавиться от Уильяма. Тут этот бестолковый юнец внезапно заговорил:

– Небось побоялся идти по нашей улице. Знаете, Тром, я считаю, вы храбрец, раз решились сюда прийти. Тут ведь репутация у нас неважная.

И с внезапностью, совершенно неестественной, он разразился одним из своих громовых раскатов хохота. Старая калитка, на которую он опирался, затряслась так, что я решила: сейчас она рухнет вместе с ним у нас на глазах.

Я увидела, как мистер Тром вздрогнул и бросил на него взгляд, в котором мне почудились одновременно изумление и ужас. Затем он повернулся ко мне и с тревогой, стараясь учтиво сгладить неловкость, сказал:

– Боюсь, мисс Баттерворт не поймет ваших намеков, мистер Ноулз. Я слышал, она у нас впервые.

В его тоне было даже больше чувства, чем, казалось, требовал случай. Я поспешила ответить, что хорошо знакома с преданием об этой улице: одно ее название говорит о том, что здесь произошло.

Облегчение в его облике сказалось немедленно.

– Рад, что вы так хорошо осведомлены, – сказал он. – Я опасался… – Тут он снова бросил на Уильяма очень странный взгляд. – Я опасался, что ваши молодые друзья из деликатности не решились сообщить вам то, что отпугнуло бы большинство гостей от такой уединенной дороги. Поздравляю вас с их предусмотрительностью.

Уильям поклонился, словно в этих словах не было ничего, кроме их прямого смысла. Неужели он так туп? Или он… Я не успела закончить догадку даже мысленно: позади нас раздался короткий возглас, и появилась легкая фигурка Лусетты, которая бежала к нам в сильном волнении.

– А, ваша сестра, мистер Ноулз, – пробормотал мистер Тром с видом глубокого почтения. – Мне лучше идти. Доброе утро, мисс Баттерворт. Сожалею, что обстоятельства лишают меня возможности оказать вам любезности, которых вы вправе ожидать от столь близкого соседа. У нас с мисс Лусеттой разногласия по одному делу, в котором я по-прежнему считаю ее неправой. Видите, как она потрясена тем, что я хотя бы стою у ее калитки.

Потрясена! Я бы сказала – перепугана. Только страх, ее прежний страх, усилившийся настолько, что его стало невозможно скрыть, мог объяснить это белое, осунувшееся лицо и дрожь во всем теле. Весь ее облик словно выражал одну мысль: «Успела ли я?»

– Чему… чему мы обязаны честью этого визита? – спросила она, становясь рядом с Уильямом, точно хотела вместе с ним преградить дорогу незваному гостю, прибавив свою хрупкую фигурку к его грузной фигуре.

– Ничему, что могло бы вас встревожить, – ответил тот с многозначительной ноткой в добром, звучном голосе. – Сегодня утром мне довольно неожиданно поручили письмо для вашей любезной гостьи, и я лишь пришел его передать.

Ее удивленный взгляд перешел с него на меня, и я сунула руку в карман и достала только что полученное письмо.

– Из дому, – сказала я, не подумав как следует о том, что это не совсем правда.

– А! – пробормотала она, словно поверив лишь наполовину. – Уильям мог бы за ним сходить, – добавила она, продолжая смотреть на мистера Трома с мучительной тревогой.

– Я был только рад, – ответил он с глубоким успокаивающим поклоном. Затем, словно поняв, что лишь его уход избавит ее от мучений, он приподнял шляпу и отступил на дорогу. – Больше я не стану вам навязываться, мисс Ноулз, – сказал он на прощание. – Если вам что-

нибудь понадобится от Обадайи Трома, вы знаете, где его найти. Его двери всегда для вас открыты.

Лусетта вздрогнула и положила руку на руку брата, словно желая удержать слова, которые он с трудом собирался произнести. Подавшись вперед и затаив дыхание, она следила за статной фигурой этого безупречного сельского джентльмена, пока тот совсем не скрылся из виду. Потом повернулась и, внезапно утратив всякую власть над собой, воскликнула, жалобно протянув руку к брату:

– Я думала, все кончено! Я боялась, что он войдет в дом!

И упала к нашим ногам неподвижная, словно безжизненная.

Глава X. Тайные наставления

Несколько мгновений мы с Уильямом смотрели друг на друга поверх лежавшей у наших ног хрупкой фигурки. Потом он наклонился и с неожиданной заботливостью поднял сестру на руки и понес к дому.

– Лусетта – дура! – вдруг воскликнул он, останавливаясь и бросая на меня быстрый взгляд через плечо. – Оттого что люди боятся нашей дороги и редко к нам заходят, она сама начала без всякого толку бояться гостей. Она даже против вашего приезда была, пока мы ей не объяснили, какая это глупость – думать, будто мы вечно будем жить тут отшельниками. А еще она мистера Трома не любит: считает, что он слишком уж со мной дружен. Какое ей дело? Я что, идиот? Головы на плечах нет? Мне нельзя доверить самому вести свои дела и хранить свои тайны? Слабая, глупая девчонка, взяла да и грохнулась, когда у нас, черт возьми, и без того забот хватает, еще ее выхаживай, и… Я хочу сказать, – поправился он с такой учтивой предупредительностью, столь несвойственной его обычному грубиянству, что не заметить ее было невозможно, – такие случаи едва ли прибавляют удовольствия вашему гостеванию.

– Обо мне не беспокойтесь! – коротко ответила я. – Несите бедняжку в дом. Я за ней ухажу.

Но словно услышав и испугавшись этих слов, Лусетта очнулась у брата на руках и с отчаянным усилием вырвалась, чтобы встать на ноги.

– Ах, что со мной было? – воскликнула она. – Я что-нибудь сказала? Уильям, я что-нибудь сказала? – в ужасе спрашивала она, цепляясь за брата.

Он бросил на нее взгляд и оттолкнул.

– Ты о чем? – воскликнул он. – Можно подумать, тебе есть что скрывать.

Она в одно мгновение овладела собой.

– У меня самое слабое здоровье в семье, – сказала она, подходя прямо ко мне и ласково беря меня под руку. – Я всю жизнь была болезненной, и такие приступы для меня не новость. Иногда мне кажется, что в один из них я умру. Но сейчас я уже совсем оправилась, – поспешно добавила она, заметив мое невольное беспокойство. – Видите, я могу идти сама.

И она скорее взбежала, чем взошла на несколько невысоких ступеней крыльца, к которому мы уже подошли.

– Не говорите Лорин, – попросила она, когда я вслед за ней вошла в дом. – Она так обо мне тревожится, а пользы от этого не будет.

Уильям размашисто зашагал к конюшне. Мы остались одни. Я повернулась и коснулась ее руки.

– Дорогая моя, – сказала я, – я никогда не даю неразумных обещаний, но вы можете быть уверены: бездумно пренебрегать чьими-либо желаниями я не стану. Если я не увижу веской причины рассказать вашей сестре об этом обмороке, то, конечно, промолчу.

Если не мои слова, то мой тон, по-видимому, ее тронул.

– О! – воскликнула она, хватая и сжимая мою руку. – Если бы я осмелилась рассказать вам о своих бедах! Но это невозможно, совершенно невозможно.

И прежде чем я успела попросить ее довериться мне, она исчезла, оставив меня с Ханной, которая в эту минуту чем-то занималась в другом конце передней.

Сейчас мне не хотелось отвлекать Ханну. Нужно было прочитать письмо, и я желала, чтобы мне никто не мешал. Поэтому я проскользнула в гостиную и тщательно закрыла дверь. Затем вскрыла письмо.

Как я и предполагала, оно было от мистера Грайса. Вот что в нем говорилось:

«Дорогая мисс Баттерворт!

Ваша решимость меня поражает. Но раз желание навестить друзей побуждает Вас пренебречь опасностями Улицы исчезнувших, позвольте предложить Вам некоторые меры предосторожности.

Во-первых. Никому не доверяйте.

Во-вторых. Никуда не отправляйтесь в одиночку. Пешком тоже не ходите.

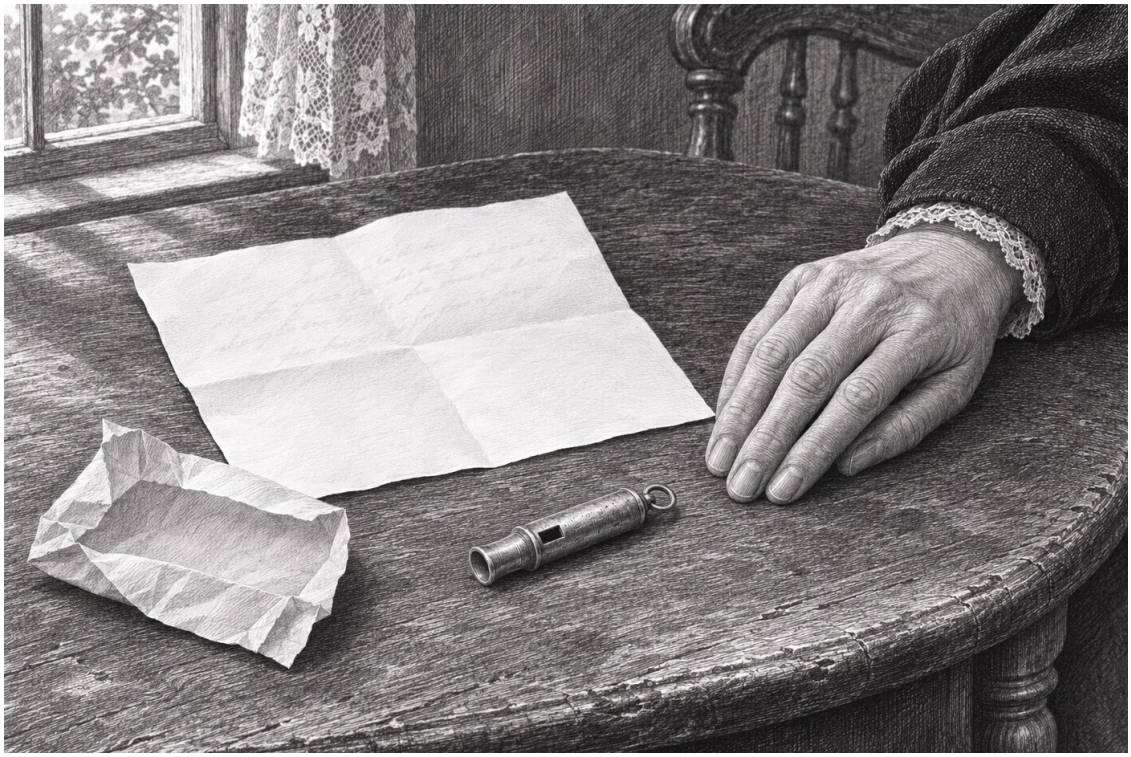
В-третьих. Если Вам будет угрожать действительная, серьезная опасность, один раз пронзительно свистните в свисток, который я прилагаю. Если же опасность невелика или Вы просто пожелаете привлечь внимание тех, кому будет поручено Вас охранять, подавайте короткие, резкие, повторные свистки: два – чтобы вызвать помощь, три – чтобы обратить на себя внимание.

Советую Вам повесить свисток на шею так, чтобы его легко было достать.

Я посоветовал Вам никому не доверять. Следовало бы сделать исключение для мистера Трома, но я не думаю, что Вам дадут возможность с ним поговорить. Помните: все зависит от того, сумеете ли Вы не возбудить подозрений. Если же Вам понадобится совет или Вы захотите что-либо сообщить мне либо человеку, который тайно руководит этим делом в Х., при первой возможности поезжайте в городок. Немедленно направляйтесь в гостиницу и спросите комнату № 3. Ее оставили в Вашем распоряжении. Как только Вас туда проводят, ожидайте посетителя: это и будет нужный Вам человек.

Как видите, мы всецело полагаемся на Ваше благоразумие».

Подписи не было – в ней и не нуждались, – а в присланном вместе с письмом свертке лежал свисток. Я обрадовалась и ему, и известию о том, что в своем довольно опасном предприятии не останусь вовсе без защиты.

События утра оказались настолько неожиданными, что до этой минуты я совсем забыла о своем раннем решении подняться в комнату прежде, чем там успеют что-либо переменить. Вспомнив о нем, я направилась к лестнице и не остановилась, хотя слышала, как Ханна зовет меня назад. В результате я чуть не налетела на мисс Ноулз, которая шла по коридору с подносом в руках.

– А! – воскликнула я. – В доме кто-то болен?

Нападение было слишком внезапным. Я увидела, как она отпрянула и на мгновение замялась с ответом. Но тут ей помогло природное самообладание, и она спокойно заметила:

– Как вы знаете, вчера мы все допоздна не ложились. Нам нужно было подкрепиться.

Я приняла объяснение и больше ничего не сказала. Но, проходя мимо, заметила на подносе, где якобы находилась еда, принесенная еще накануне вечером, недоеденный кусок блюда, которое подавали нам за завтраком. Поэтому я оставила за собой право усомниться в ее безукоризненной правдивости. Для меня остатки этого завтрака были неопровержимым доказательством: в доме есть кто-то, о чьем присутствии я, по замыслу хозяев, не должна знать. При данных обстоятельствах мысль была неприятная, но установить это было весьма важно. Я чувствовала, что одним этим открытием ухватила нить, которая еще выведет меня из лабиринта тайны.

Мисс Ноулз, шедшая к лестнице, позвала Ханну взять поднос, вернулась и знаком пригласила меня к двери одной из передних комнат.

– Эта комната предназначена вам, – объявила она. – Но не знаю, удастся ли переселить вас сегодня.

Она была так спокойна, так безупречно владела собой, что я невольно залюбовалась ею. Лусетта стала бы краснеть и суетиться, но Лорин стояла прямая и невозмутимая, словно никакая беда не тяготила ее сердце, а слова ее были столь же малозначительны, сколь и казались.

– Не беспокойтесь, – сказала я. – Я еще вчера вечером сказала Лусетте, что мне вполне удобно и менять комнату я не желаю. Мне очень жаль, что из-за меня вы сочли нужным хлопотать ночью. Прошу вас, больше этого не делайте. Такая женщина, как я, лучше стерпит небольшое неудобство, чем станет переселяться.

– Я вам очень признательна, – ответила она и сразу отошла от двери. Пожалуй, все-таки нервная суетливость Лусетты мне милее непоколебимого самообладания Лорин.

– Приказать подать вам экипаж? – неожиданно спросила она, когда я повернулась к коридору, ведущему в мою комнату.

– Экипаж? – повторила я.

– Я подумала, быть может, вы захотите съездить в городок. Мистер Симсбери сегодня утром свободен. К сожалению, ни Лусетта, ни я не сможем вас сопровождать.

Я вспомнила, что тот же мистер Симсбери говорил о замысле Лусетты, и заколебалась. Они явно желали, чтобы утро я провела где угодно, только не с ними. Пойти им навстречу или найти предлог остаться дома? Оба решения имели свои трудности. Если я уеду, что только не случится в мое отсутствие! Если останусь, какие подозрения могу возбудить! Я решила избрать средний путь: отправиться в городок, пусть даже и не доехать до него.

– Я колеблюсь из-за двух-трех туч на востоке, – сказала я. – Вид у них довольно угрожающий. Но если вы уверены, что мистер Симсбери может отлучиться, пожалуй, я рискну. Мне действительно хотелось бы приобрести ключ от своей двери; к тому же загородная прогулка в экипаже так приятна.

Мисс Ноулз поклонилась и немедленно спустилась вниз. Я же, испытывая некоторые сомнения, пошла к себе. «Не разглядываю ли я все эти происшествия сквозь слишком сильное увеличительное стекло?» – подумала я. Весьма возможно. И все-таки эта возможность не помешала мне с большим любопытством поглядывать на закрытые двери, мимо которых я проходила по пути к своей комнате. Самой малости хватило бы, чтобы мне захотелось попробовать, не открываются ли они. Самой малости – в добавление ко всему остальному, что уже показалось мне необъяснимым.

Кровать оказалась застелена, а комната – в образцовом порядке. Мне оставалось только приготовиться к выезду. Я сделала это быстро и спустилась, пожалуй, раньше, чем меня ждали. Во всяком случае, при моем появлении Лусетта и Уильям очень поспешно разошлись: она – в слезах, он – с упрямым пожатием плеч и словами примерно такого содержания:

– Дура ты, что так убиваешься. Раз уж этому быть, по мне, чем скорее, тем лучше. Разве не видишь, с каждой минутой у нас все меньше надежды скрыть это?

Мне захотелось переменить решение и остаться дома. Но привычку всей жизни нелегко нарушить. Я осталась верна своему первому выбору.

Глава XI. Мужчины, женщины и привидения

Когда я садилась в коляску, мистер Симсбери поклонился мне довольно приветливо. Это позволило мне без труда завести разговор:

– Рано же вы сегодня на месте. Вы ночуете в доме Ноулз?

Он взглянул на меня с едва заметной подозрительностью.

– Я вон там живу, – сказал он, указывая кнутом через лес на большую дорогу. – Через болота к завтраку хожу. Моя старуха говорит, они мне три раза в день кормежку должны, так я свои три раза и получаю.

Это была самая длинная речь, которой он до сих пор меня удостоил. Застав его в разговорчивом настроении, я приготовилась быть любезной. Он, кажется, это оценил: начал посапывать и уделять особенное внимание лошади, которую с большой обстоятельностью разворачивал.

– Зачем вы едете туда? – возразила я. – Разве это не самый длинный путь в городок?

– Мне так привычнее, – ответил он. – Но можем и другой дорогой, коли желаете. Может, диакона Спира увидим. Он ведь вдовец, знаете ли.

Усмешка, с которой он это произнес, была невыносима. Я выпрямилась от негодования… Нет, не признаюсь даже в том, что хоть чем-нибудь показала, будто поняла его намек. Я лишь выразила желание ехать прежним путем.

Он тотчас подстегнул лошадь, чуть не рассмеявшись вслух. Я начинала думать, что этот человек способен на любое злодеяние. Однако ему пришлось внезапно натянуть вожжи. Прямо перед нами стояла согнувшаяся женщина. При нашем приближении она не сдвинулась с места, так что нам ничего не оставалось, как остановиться. Лишь когда лошадь коснулась головой ее плеча, она шевельнулась, выпрямилась и взглянула на нас с некоторым негодованием.

– Вы нас не слышали? – спросила я, желая заговорить со старухой, в которой без труда узнала матушку Джейн.

– Она глухая, как пень, – пробормотал мистер Симсбери. – Кричать ей без толку.

Тон его был резок, однако я заметила, что он с большим терпением ждет, пока она откровыляет с дороги.

Тем временем я с интересом рассматривала старуху. И лицо ее, и манера держаться были необычны. Седая, беззубая, изможденная, сгорбленная, она все же не походила на одну из тех заурядных старушек, каких видишь на порогах деревенских домов. В ее старческих движениях чувствовалась сила, а во взглядах, которые она бросала на нас, медленно пятясь к обочине, – яркая самобытность.

– Говорят, она слабоумная? – спросила я. – По-моему, на дурочку она совсем не похожа.

– А вы послушайте, – сказал он. – Не видите, бормочет? Все сама с собой толкует.

И действительно, ее губы двигались.

– Я ее не слышу, – сказала я. – Подзовите поближе. Почему-то эта старуха меня занимает.

Он немедленно поманил ее, но с тем же успехом мог бы поманить дерево, к которому она прижалась. Ни ответа, ни малейшего признака, что она поняла жест. И все же глаз с наших лиц она не сводила.

– Ну что ж, – сказала я, – она, видно, не только глухая, но и плохо соображает. Поезжайте дальше.

Но прежде чем он успел дернуть вожжи, я заметила перед хижиной, стоявшей в нескольких шагах, кустики душистой американской мяты и с живостью указала на них:

– Да ведь это та самая трава, которую я хочу увезти домой! Как вы думаете, она даст мне пучок за деньги?

Он услужливо крякнул и снова придержал лошадь.

– Если сумеете ей растолковать, – сказал он.

Я сочла, что попытаться стоит. Хотя мистер Грайс особо объяснил мне, что от этой женщины вреда нет и при расспросах, какие мне, возможно, придется вести, ее можно вовсе не принимать в расчет, я помнила: в подобных случаях мистер Грайс уже допускал ошибки, и тогда Амелия Баттерворт считала своим долгом его поправить. Если так случилось однажды, отчего бы не случиться вторично? Во всяком случае, я не собиралась упускать ни малейшей возможности познакомиться с обитателями этой улицы. Разве он сам не говорил, что только таким путем можно напасть на след, ускользнувший от всех открытых поисков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.